

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Александр НЕЖКИНСКИЙ

БРАТСТВО КРЕСТ И КЛИНОК

Эта битва незрима, эта битва вечна

Современный фантастический боевик (АСТ)

Александр Нежинский

Братство. Крест и клинок

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Нежинский А.

Братство. Крест и клинок / А. Нежинский — «АСТ»,
2016 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-096940-1

Ад реален. Реальны и его Князь, и многочисленные его легионы. А также – колдуны, ведьмы, чернокнижники и прислуживающая им нечисть. Многие века им противостоит Братство – тайная сила Православной церкви. Крест и клинок против черной магии и адских козней, вера и мужество – против зла и коварства. Бой будет страшен, и какую цену придется заплатить за победу, не знает никто.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096940-1

© Нежинский А., 2016
© АСТ, 2016

Александр Нежинский

Братство: Крест и клинок

© Александр Нежинский, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Ворожбы не оставляй в живых.
(Исх. 22, 18)

Кто вам сказал, что пить водку в одиночку – это предел морального падения и предпоследний шаг к «белочке»? Не, фигню вам сказали. Неправду... Вот пару недель назад Леха пил... со своим собственным табельным «макаровым»! А что?! Очень даже ничего получалось: кладешь «ствол» перед собой на кухонный столик, давным-давно заляпанный самыми разнообразными пятнами до вполне камуфляжной окраски – вот тебе и собутыльник. И чокаешься с ним нормально, и тосты ему говорить. Самое прикольное началось, когда «макар» на эти тосты вроде как начал отвечать... Или показалось? Не, но подмаргивал он Лехе точно – лихо так, дульным срезом ствола, черной дыркой в вечную бесконечность. Наводя при этом на вполне конкретные мысли, чего уж там...

Потом «ствол» забрали – вместе со служебным удостоверением, ессесно... Короче говоря, Алексея, двадцати восьми лет от роду, капитана милиции, старшего опера «убойного» отдела уголовного розыска (теперь уж бывшего, понятное дело), со службы выперли. Как суконно сказано в официальных бумажках, «по отрицательным мотивам». А говоря попростому – в шею, с треском, со свистом. Вот только что не с позором – чего не было, того не было...

...Вынырнув из мутно-тяжелого, как взгляд безнадежного сумасшедшего, алкогольного то ли полусна, то ли полубреда, Алексей попытался первым делом сориентироваться в пространстве-времени и вообще – в окружающей обстановке. Где? Дома... Класс! Ух ты, еще и в постели «отрубился» – мол-л-лодца! Один? Точно, один. Ну, вообще супер. А времени-то хоть?... Часы... Часы, да где ж часы-то?! А-а-а – вон они вроде. Полшестого... Полшестого чего?! И... стоп! Они идут-то хоть – часы эти? Сам же в них подушкой задушил вчера – тикали громко, сволочи такие! Или не вчера? Или ботинком? Хотя – какая разница? Теперь вроде не тикают. Плохо... Сориентируемся по свету. Ага, шас... Шторы плотные, из-под них какая-то вроде муть пробивается. Идти отдергивать?! Разбежался... Тут бы на кровати сесть. Ай, да какая вообще, нафиг, разница – утро, вечер?! Вот что с головой делать – это вопрос...

Переходить к диагностике собственного организма абсолютно не хотелось. С другой стороны – чего тут диагностировать?! Полный клинический набор под названием «и в запой отправился парень молодой». Башка раскалывается, глотка пересохла до состояния пустыни, во рту справили нужду – от малой до великой – все возможные и невозможные представители фауны... А уж тошнит-то! Да, кстати – а мутит ведь не только и не столько со ставшей, в общем, привычной уже похмелюги, сколько от совершенно невообразимой вони, доносящейся откуда-то из квартиры. Нет, это даже не вонь – это ж ВОНИЩА! Вот именно так – все прописными буквами и с восклицательным знаком. Понятное дело, квартира молодого холостяка, да еще и если учесть, что в ней уже чуть ли не месяц безраздельно властвует змей цвета самой попу-

лярной в мире валюты, ничем порадовать человеческое обоняние не может по определению. Но чтоб такое! И, кстати, вчера этого вроде бы не было. Ну, в смысле не воняло же так!

Из последних сил сдерживая становящиеся почти неконтролируемыми рвотные позывы, Алексей заставил себя приняться. И тут же волосы на коротко-стриженной башке зашевелились, а на загривке и вовсе по-собачьи встали дыбом. Смердело отнюдь не скопившимся бытовым мусором и не героически погибшей при исполнении обязанностей закуски рыбной консервой. Уж этот-то запах он не спутал бы никогда и ни за что ни с каким другим. «Спасибо» богатому опыту... В квартире совершенно отчетливо пахло смертью...

Трупов за время службы в «убойном» Леха навидался немало – как свежих, так и отнюдь нет. Так что, прощай за цинизм – и нанюхался тоже. Не раз и не два его впоследствии посещала мысль: если бы кинематограф и телевидение обладали способностью передавать не только визуальные образы (изрядно, кстати, «подмарафеченные» в сравнении с грубой натурой), но и запахи – создатели многочисленных боевиков и прочих «кинострелялок» обанкротились бы в момент. Хотя... абсолютное большинство людей привыкает ко всему. Избито, банально – но ведь правда же! Вот и он в свое время привык. Первое же мертвое тело, в осмотре которого ему довелось участвовать, оказалось трупом мужика, повесившегося самостоятельно, по причинам, которых Алексей так никогда и не узнал. Матерые волчары-сыщики, прихватившие «для науки» с собой зеленого щенка-«летеху», после молниеносного, как тогда ему показалось, осмотра вынесли вердикт: «Самоубийца. Никакого криминала», и группа отбыла восвояси, оставив «головняк» местному участковому.

Алексей тогда смотрел на пустой сосуд, оставленный жизнью и душой, и, по правде говоря, не испытывая особенного шока. Да и потом... Нет, впоследствии доводилось наблюдать зрелища куда более кровавые и шокирующие, но... Что интересно – в памяти неотвязно оседали почему-то не раны и кровь, не мертвые лица и потухшие глаза, а какие-то, на первый взгляд, не самые жуткие подробности – вроде сандалика, свалившегося с неестественно вывернутой ножки девочки, валявшегося на грязном полу подвала. Той самой девочки, с которой и начался для старшего опера Лехи путь к полному и окончательному крушению его сыщицкой карьеры.

Этого подонка Алексей запомнил бы на всю жизнь – даже если бы тот не стал последним из тех, по чьему кровавому следу ему довелось идти. Начиналось-то все с «обычного» выезда на место преступления – детский труп в подвале банальнейшей панельной девятиэтажки обнаружил дворничиха, бдительно среагировавшая на открытую дверь, куда самолично не так давно вешала новенький замок. Когда жертва ребенок, это всегда – страшней некуда. Тут не спрячешься за выработавшиеся в «убойном» способы психического самосохранения – привычный сыщицкий цинизм и способность не пускать увиденное «в себя». Такое ломает все защитные преграды в мозгах и в душе – если, конечно, в тебе еще осталось что-то от нормального человека. И тем не менее сквозь завораживающую сознание багровую ярость от увиденного мелькнуло сугубо профессиональное: «Только бы не серийник!» Ну да, как же... Не с нашим счастьем.

Детские трупы пошли чередой. Серия, да еще какая серия! Менялся почерк – способ убийства (вместо удушения в первых трех случаях, гад начал кромсать свои жертвы так, что кровью заливало все вокруг), место (подвалы после опять-таки первых эпизодов сменились на заброшенные дома или помещения в давно разграбленных и всеми оставленных «промзонах»). Мало того – на местах убийств сыщики начали наткаться на какую-то, похоже, кро-

вью жертв намалеванную мазню: непонятные, но явно зловещего вида символы, пентаграммы и тому подобную мерзость. «Совсем мозгами поехал! В сатаниста играется, тварь», – такой вывод сделали большинство из тех Лехиных коллег, кому довелось повидать все эти ужасы воочию. Вот только... А игра ли это была?! Ни за что и нипочем Алексей не стал бы делиться этими мыслями даже с теми из коллег, с кем отношения его были более чем доверительными. Ну, разве что, если б уж пришла охота окончательно приобрести репутацию сумасшедшего. И так уже доводилось в свой адрес слышать: «планочник», «обезбашенный», «контуженный» и тому подобные «лестные» эпитеты. Когда – в спину, шепотом, а когда и в лицо. В высоких начальственных кабинетах, естественно.

И все-таки... Будь он все еще желторотым первогодком, попавшим на первые свои «мокрухи», можно было бы списать на шок и тому подобное. Так ведь нет – осматривая не первые и даже не сто первые за свою службу места преступлений, Алексей совершенно явственно ощущал там присутствие зла. И не того, что, скажем откровенно, стало уже где-то привычным и обыденным, будучи четко расписано по статьям Уголовного кодекса и намертво вбито в отшлифованные пункты оперативно-розыскных мероприятий, а именно что Зла. Такого, при соприкосновении с которым чувствуешь приближение к тьме и пустоте, коим нет ни названия, ни описания, и на место обычного, замешанного на приземленном инстинкте самосохранения страха приходит такой глубинный ужас, что, кажется, сама душа твоя обрывается и ухает в никуда... Впрочем, как уже сказано было выше, ни с кем даже заикнуться о подобных ощущениях и впечатлениях Алексей не рискнул бы ни в жизнь. Не тот случай.

А потом все закончилось. Внезапно. Вдруг. И совсем не так, как думалось... Вот просто раздался телефонный звонок, и некто (чей номер так и не смогла зафиксировать специально установленная именно для этого хитрая аппаратура) спокойным и даже где-то монотонным голосом поведал – где именно надо искать того, в поисках кого давно сбились с ног все опера города. Идите – и возьмите... Группа, на задержание не то что выехала, а вылетела немедленно – не успели еще умолкнуть гудки в положенной на рычаг трубке. И конкурс на место в ней был почище, чем на кресло в парламенте во время выборов. Но тут в плюс Лехе как раз сыграла его молодость, одним из бонусов имеющая, естественно, отменные физические кондиции. Дурных иллюзий относительно того, что «клиент» при виде милицейских «корочек» упадет, рыдая от раскаяния, на колени и томно протянет руки под «браслеты», не строил, естественно, никто. От подобного гада, да к тому же, по всеобщему мнению, совершенно и окончательно сбрендившего, ожидать можно было чего угодно. Так что на подсказанный таинственным анонимом адрес выдвигались, экипировавшись «по-взрослому»: «броники», пусть и легкие, носимые под курткой, табельное оружие. Кто-то не поленился даже прихватить кургузый огрызок АКСУ. Мало ли...

Самое интересное, что ничего из этого сыщикам не понадобилось. Душегуб (и вправду оказавшийся точно по указанному адресу) встретил ввалившихся в его дом сыскарей не беглым огнем или острым лезвием клинка. Он встретил их смехом... Вот эта ржущая, откровенно забавляющаяся образина и стояла перед глазами у Алексея по сей день. «Жалкие черви!» «Ходячее мясо!» «Вы пришли брать меня – ну так берите! Все равно ничего вы мне сделать не сможете – Хозяин не позволит! Он моя сила, он моя защита...» Вот такими примерно речами были ошарашены столпившиеся перед невиданно наглým уродом сыскари. А дальше произошло и вовсе нечто невообразимое – из немелкого тела убийцы вдруг словно кто-то выдернул одним махом какой-то стержень. Или – скорее – враз обрезал ниточки у кривлявшейся марионетки. Ноги подкосились, руки обвисли плетьюми, глаза, еще секунду назад бывшие совершенно

осмысленными, остекленели и сошлись в одну точку, а изо рта потянулись тягучие нити слюней. Зрелище было отвратным донельзя...

А потом он вдруг, так же внезапно, «вернулся». И в доме снова зазвучал издевательский смех: «Видели?! Я таким могу стать, когда захочу! И быть, сколько захочу! Так что максимум мне светит дурдом. А уж оттуда-то я выйду. Еще как выйду! Я вернусь! Ве-е-ерну-у-у-сь!» – чуть ли не пускающий пену с заведенными под лоб глазами убийца уже даже не орал – выл... «Я вернусь – и они снова будут кричать! Он любит, когда мясо кричит! Он...» Неизвестно, что бы еще поведал обалдевшим от его «шоу» слушателям упивавшийся моментом душегуб о криках своих жертв и таинственном ком-то, кому эти крики предназначались, если бы в первом ряду этих самых слушателей не стоял Леха. И если бы у Лехи не стоял вот уже несколько минут перед глазами детский сандалик на грязном полу подвала...

Определенные навыки в уголовном розыске очень быстро нарабатываются до уровня «автомата» – если, конечно, ты хочешь быть живым сыщиком, а не мертвым героем. С предохранителя «ствол» был снят и патрон в патронник был дослан еще на подходе к дому. Вскинуть «макаров» вверх и плавно, как тысячу раз учили, нажать на спуск для человека тренированного – дело секунды. Алексей был тренирован на совесть. Так что подскочившие с боков и сзади и насевшие на него коллеги выдирали из крепких пальцев уже вставший на затворную задержку пистолет с пустым магазином. Восемь «девятимиллиметровых» легли в цель с отменной точностью и кучностью. Инструктор по боевой подготовке точно бы похвалил. В отличие от прокурора...

Был бы Леха другим человеком, были бы у него другие отношения с коллегами и начальством, не числились бы за ним помимо неизбежных для каждого молодого «опера» «залетов» и дела, прямо скажем, достойные и серьезные – могло бы закончиться куда хуже. Чего уж там говорить – тюрьмой вполне могло бы закончиться... Окажись в руках задерживаемого хотя бы завалященький предмет, который можно было бы отнести к оружию, да хоть ножик перочинный – может, и обошлось бы. А так... Максимум, что удалось сделать – «отмазаться» от крайне неприятных статей Уголовного кодекса, «отделавшись» увольнением. Зато никакого «Я вернусь!» в исполнении свихнувшегося маньяка теперь не предвиделось. И не будет больше детских трупов под кровавыми пентаграммами в заброшенных домах... Это так Леха думал, пока, стянув-таки себя с развороченной кровати, полуошупью ковылял по собственной квартире в поисках источника выворачивающей нутро вонищи. Эта мысль, собственно, и осталась последней здравой мыслью в его голове на тот момент, когда он увидел-таки, что именно является источником гнуснейшего запаха. А вернее – *кто*...

К счастью, определенный жизненный или, скорее уж, профессиональный опыт может дать неоспоримое преимущество в некоторых, скажем так, совершенно нестандартных ситуациях. Если абсолютное большинство людей, увидев то, что предстало перед глазами Алексея, моментально чокнулись бы, не сходя с места, то он просто остолбенел, застыв посреди комнаты как вкопанный. Было от чего. Прямо в проеме двери, ведущей в кухню, стоял, вцепившись в дверной косяк рукой, а скорее даже лапой с неправдоподобно отросшими кривыми ногтями (почему-то в данном случае в глаза Леше бросилась как раз именно эта деталь) ...ну да... тот самый маньячила-сатанист, в которого Алексей самолично высадил магазин из «макарова».

Он был мертв. То есть – вне всяких сомнений, абсолютно и совершенно мертв, мертвей некуда. Мало того, начавшей разлагаться плотью невыносимо несло как раз именно от него. Голый торс «гостя» помимо отвратительных трупных пятен и отчетливо видимых входных

отверстий от пулевых пуль, выпущенных почти в упор, «украшали» и следы работы патологоанатомов – не очень-то аккуратно заштопанные разрезы. И тем не менее – *это* вполне твердо (ну... как для трупа) стояло на ногах, издавало порезанной в морге глоткой какие-то омерзительные свистяще-шипящие звуки, а главное – во все глаза уставилось на застывшего в ступоре хозяина квартиры. И вот глаза... глаза-то как раз и не были пустыми и стеклянными, как у книжно-киношных зомби. Не были эти красные, пылающие адской злобой буркалы глазами мертвеца. Да и вообще человеческими эти глаза не были – если уж на то пошло. Издавал ли хрип, то ли рык, в котором явственно слышались удовольствие и предвкушение удовольствия еще большего, незванный гость с горящими глазами отлепился от дверного косяка и сделал навстречу Алексею пару шагов. Гораздо более уверенных и ровных, чем можно было бы ожидать от разлагающегося трупа...

Кто-то другой на Лехином месте наверняка продолжал бы предаваться в эти минуты совершенно бесполезным паническим размышлениям вроде: «Этого не может быть! Мертвые не встают! Я схожу с ума! У меня галлюцинации!» И при этом продолжал бы стоять на месте, будучи не в силах перебороть накопленные за всю жизнь предубеждения, веру в невозможность нереального и воспринять происходящее как угрозу вполне конкретную. Так и стоял бы, размышляя: куда ж звонить – в милицию или все-таки в «скорую», пока лапы с кривыми ногтями не сомкнулись бы на горле, сделав данный выбор не имеющим смысла. К огромному счастью, для Алексея подобное поведение в минуты опасности было неприемлемо. Угрозу он чувствовал прекрасно, на подсознательном уровне отличая реальную опасность от мнимой в доли секунды, и реагировать привык соответственно. Возможно, свою роль сыграло еще и то, что перед ним стоял не абы кто, а «клиент», которого он самолично «принимал», будучи еще на службе. Это – убийца! А то, что дохлый... Ну, это уже частности, не очень-то и существенные. Как надо реагировать на приближающегося к тебе убийцу – это он усвоил давно на уровне даже не подсознания, а инстинкта. Уж точно – не стоять покорной овцой, мучаясь вопросами возможности или невозможности происходящего!

Перед ним стоял враг! А значит, и поступать с ним следовало, как с врагом. И уж потом разбираться – каким непостижимым образом *это* вместо безымянной могилки на казенном кладбище или холодильника морга оказалось у него в квартире. Вот только имелась проблема... И заключалась она даже не в отсутствии ставшего за годы службы самым привычным средства от головной боли – родимого табельного ПМ. Забравшихся к нему в дом воришек, грабителей или даже жаждущих свести давние счеты бандюков Алексей, поверьте, нашел бы чем угостить. Вот только в данном случае все возможные средства активной самообороны – от огнестрельного оружия до зубодробительных и костеломательных приемов «рукопашки», которыми он владел в совершенстве, были абсолютно бесполезны. Понимание этого пришло к Алексею как-то сразу, с абсолютной тоскливой безнадежностью. *Это* уже было мертво. Стрелять в него, резать, рубить... Возможно, решением вопроса могло бы стать полное расчленение гниющего ублюдка – чем-нибудь вроде бензопилы, к примеру. Однако, к величайшему сожалению, ничего такого в домашнем хозяйстве стопроцентного горожанина не имелось. Драться? Вот почему-то совершенно уверен был Алексей в том, что попади он в пределы досягаемости тянущихся к нему грабок мертвяка – и поединок закончится самым плачевным для него образом. Оставалось одно – уходить от контакта и тянуть время, пытаясь сообразить, как же все-таки разобраться с *этим*. Желательно – быстро и кардинально.

Предаваться раздумьям о выборе тактики долго не пришлось. Мертвец резко, одним рывком с места сократил расстояние настолько, что Алексея едва не вывернуло от навалившейся волны трупного смрада. Кривые ногти мелькнули перед самым лицом. Разрывая дистанцию,

Леха ушел в сторону, за огромных размеров дубовый стол, возвышавшийся посреди гостиной с совершенно незапамятных времен – как бы не дедом поставленный. Мертвая тварюка, оказавшаяся, к очень неприятному удивлению, такой быстрой, снова рванула вперед, намереваясь, очевидно, с маху снести вставшую на пути досадную помеху. Не тут-то было! Старинный предмет мебелировки и с места-то сдвинуть удавалось далеко не всем и уж точно не в одиночку. Почувствовав бесполезность первой попытки, мертвяк бочком-бочком двинулся вдоль оказавшегося несокрушимым стола, не сводя при этом бешеный взгляд с Алексея. Тот, в свою очередь, двигался таким же образом, пытаясь сохранять спасительный разрыв между ними, и при этом лихорадочно соображая: «А дальше-то что?!» Продолжать до бесконечности хождение вокруг стола тупо. Остается резко бежать туда, где под руку может попасться хоть что-то потяжелее. И желательно режуще-рубящее. Вот только что? И успеет ли он хоть куда-то добежать? После последнего стремительного броска мертвеца сомнения в этом были более чем серьезные. Ладно – пока отступаем. Шаг... Еще шаг... И еще...

Дальше случилось то, что, собственно, и должно было случиться практически неминуемо. Если долго разводить в квартире бардак, то одним из неминуемых его последствий будет масса самых разнообразных предметов, хаотично разбросанных по полу. Вот на один из таких предметов Алексей и наступил босой ногой. Нога, естественно, подвернулась. Результат – с громким стуком он приземлился на задницу, войдя при этом в жесткое соприкосновение с какой-то еще валявшейся на полу дрянью. Копчик, а от него и все тело прострелил разряд боли – такой, что в глазах потемнело и заплескали веселенькие искры. Но даже сквозь них Алексей увидел, как тварь, издав торжествующий рык, рванула к нему. «Трындец, похоже...» – Затуманенное болью сознание реагировало на происходящее почему-то вяло...

Так же вяло отреагировало оно и на грохот распахнувшейся в прихожей входной двери. Алексей, жалко пытающийся отползти от уже наваливающегося на него монстра, даже не сразу понял, что гостей в его доме существенно прибавилось. И эти вновь прибывшие, слава богу, были живыми. Впрочем, смотрелись они здесь и сейчас тоже, мягко говоря, не совсем уместно.

Вошедших было четверо. Двое из них, совершенно однозначно, были священниками – простые черные рясы, наперсные кресты. А вот двое других... Если бы у Алексея была возможность к ним присмотреться, то он, пожалуй бы, крепко удивился такой компании батюшек. Поскольку эти ребята, одетые не в рясы, а в простую черную одежду, скроенную явно с таким расчетом, чтоб не стеснять даже самых резких движений, на священнослужителей не походили ни на капельку. Зато сильно смахивали – по целому ряду тех признаков, по которым профессионал четко и безошибочно узнает профессионала – на матерых спецназеров, с которыми Алексею доводилось «пересекаться» не единожды. И, кстати говоря, первые же их действия такую версию подтверждали стопроцентно – неуловимо-плавными движениями оба они пересекли комнату и, не сговариваясь, совершенно синхронно оказались по бокам у мертвяка, моментально переключившего свое злобное внимание с поверженного Алексея на вошедших. Дальнейшее было еще красноречивее: у одного в бывших еще мгновение назад совершенно пустыми руках оказалось вдруг что-то вроде короткой дубинки, которой он нанес резкий удар. Похоже, отвлекающий – поскольку в ту же секунду его напарник, тоже вроде бы безоружный, полоснул тварь выхваченным непонятно откуда коротким клинком по тыльной стороне ног. Издав истошный вой, тварь рухнула на колени как подкошенная. И тут в дело вступили священники.

«Слава богу, нашли! И вовремя, похоже... – выглядевший постарше батюшка повернулся к своему более молодому спутнику. – Давай, с Богом...» Перекрывая визг корчащегося мертвяка, в комнате зазвучали чеканные строки молитвы. «Да воскреснет Бог и да расточатся врази его...» В ту же секунду резавший уши визг перерос в... Даже сложно сказать во что – это был

уже не звук, это было нечто, сопоставимое по силе воздействия разве что с ударной волной от приличной мощности боеприпаса. Тем не менее застывшие фигуры в черном даже не шелохнулись, мало того – все четверо раз за разом осеняли себя крестными знамениями. А потом... Вот что было потом, Алексей в тот раз так и не увидел. Пришедшие на помощь людям высшие Силы милосердно позволили его истерзанному сознанию наконец-то отключиться.

...Сказать, что повторное возвращение Алексея в реальный мир было приятней первого, означало бы крепко погрешить против истины. Тошнота вроде бы поуменьшилась – тем более что вместо тяжелого трупного смрада и прочих малоприятных «ароматов» вроде застарелой табачной вони, воздух в квартире теперь был наполнен запахом ладана и еще чего-то незнакомого, но явно приятного обонянию. Но вот голова раскалывалась как бы еще не больше. Совершенно немилосердно болела, если быть откровенным. Да вдобавок раскатывалась по всему телу при каждом движении волнами одуряющая слабость. Такая, что при попытке встать с пола в привычном режиме – то есть резко, все вокруг поплыло перед глазами... «Это что ж, достал меня дохлый гад все-таки?» – первая мысль у Алексея была именно такой. Хотя... вряд ли. Кроме многострадальной башки, нигде в организме ничего не болело, не саднило и не пекло. Не было, короче, никаких признаков нанесения телесных повреждений какой-либо степени тяжести. Да и беглый осмотр собственной тушки ничего такого не выявил. Странно...

Обследовать себя, любимого, на предмет следов контакта с незванным гостем Леха принялся, поднявшись-таки, хоть и не с первого раза, на изрядно подгибающиеся ноженьки. И так увлекся процессом, что совершенно упустил из виду присутствие в комнате одного из тех, кто так лихо взялись разбираться с мертвяком-приблудой. Да и то сказать – уютно устроившийся в глубоком кресле священник в темном своем облачении в глаза не бросался и внимание привлек лишь негромкой фразой:

– Оклемался, болезный? Как самочувствие?

На Алексея голос незамеченного им сразу батюшки произвел эффект выстрела над ухом. Неосторожно вскинув голову, тут же взорвавшуюся фейерверком неприятнейших ощущений, он, пошипев секунду-другую от боли, выдал наиглавнейший на данный момент вопрос:

– Где *это*?!

– Там, где надлежит быть. И останки бранные, и то, что в них... вселилось, так скажем. Братия уже озаботились, а я вот остался – за тобой приглядеть.

О как! «Приглядеть», значит – как за дитем неразумным... Алексея почему-то вдруг цапнула обида, поскольку слова священника он воспринял именно так, забывая о том, что провел неизвестно сколько времени в собственной настезь открытой квартире, валяясь бревно бревном. И именно, что под присмотром и охраной этого самого батюшки. Враз захотелось закурить, и он заблуждал глазами по комнате, выискивая в окружающем кавардаке если не пачку сигарет, то хотя бы «бычок» приличных размеров. То ли рысканье это не укрылось от глаз священника, то ли тот вообще мысли читал... Поскольку тут же выдал с изрядной долей ехидцы:

– Ну, ты гляди – не успел очухаться, а уже нечистому покадить надо! Может, тебе еще и водочки тяпнуть охота? – во вроде бы участливым тоне собеседника скрытого яду было предостаточно.

От одного упоминания сорокаградусной Алексея замутило так, что пропали мысли и о сигарете. Зато обида разыгралась с новой силой. Нет, понятно, святой отец, лицо духовное, поучать вроде как право имеет... Да и давай не забывай, дружище, что именно этот самый батюшка со своими спутниками жизнь тебе и спас – в отношении того, чем бы все закончилось

без неожиданной подмоги, у Алексея никаких сомнений не было... Но зачем уж так вот! Действительно, как с дитем, да еще и недоразвитым. Насупившись, Алексей адресовал гостю один из тех фирменных милицейских «ласковых» взглядов, под которыми обычно самые матерые бандюки как-то вдруг моментально съеживались в размерах и, резко отставив «понты», начинали задумываться о вечном. На священника же этот более чем красноречивый взгляд воздействия не оказал ни малейшего. Улыбнувшись ласково, он продолжил беседу:

– Эх, Алеша, Алеша... Натворил ты дел. Запутался, заблудился – и за что хватаешься? Много она тебе помогла, водка-то? Память поправила, прошлое изменила, будущее указала? Себя понять помогла или, может, жизнь нашу сложную, о которой ты, оказывается, вовсе даже и не все знаешь? Убийство убийством не поправишь – особенно если себя самого убивать...

Вот тут Алексея проняло, что называется, всерьез. И не сколько оттого даже, что в нескольких простых словах незнакомый до сегодняшнего дня батюшка выложил перед ним как на ладони и непутевую его долю и еще более непутевые попытки эту долю, как говорили в старину, избыть... Нет... *Алеша*... Вот это именно обращение резануло по сердцу, рвануло душу, и так истерзанную до края. Потому, что единственным человеком, кто так к нему обращался, была мама – так давно навеки ушедшая вместе с отцом. В ту страшную ночь, что в одночасье сделала его круглым сиротой, оставив один на один с огромным и, как очень скоро оказалось, безмерно жестоким и гадким миром, Алеша умер. Остался Леха, превратившийся со временем в лихого Леху-летеху, залихватски умевшего ломать руки и двери, стрелять и догонять, пить водку и крутить головы молоденьким дурочкам. И совершенно не умевшего плакать...

И вот теперь его снова называли Алешей. И – самое странное – звучало это в устах священника так, словно тот имел полное право звать того, давно потерянного по жизни и забытого мальчишку. Обида враз прошла – вместо нее накатило ощущение пустоты и страшной, чудовищной ошибки, которую уже никак нельзя исправить. Или все-таки можно?! Алексей проглотил уже вертевшийся на языке ответ, самым мягким вариантом которого было бы: «Какое ваше дело?!» и вместо этого устало спросил:

– Дел натворил, говорите... Это вы о... выходце с того света, что ли? Чего он вообще приперся? И как?! И вы-то сами кто? Ни в жизнь не поверю, что случайно тут оказались!

Священник в ответ улыбнулся – еще шире:

– Вон сколько вопросов... Да это еще и не все, я думаю. Но оно и хорошо – что спрашиваешь. Очень даже хорошо... Но разговор у нас, похоже, будет долгий. Чай-то у тебя хоть есть?

Чай у Алексея был. И очень даже неплохого качества... Этому факту он в очередной раз порадовался, вертя в руках бог знает какую по счету кружку с остывающими остатками ароматного напитка. Кстати, с каждым глотком ему становилось лучше: покидала тело слабость, уходила головная боль и похмельная муть. И вправду чай оказался куда как хорош... Или, может, дело было в том, как его заваривал взявшийся уверенно хозяйничать в холостяцкой кухне священник? И вроде ведь ничего особенного не делал – а вот поди ж ты...

Впрочем, вопрос о чудесно обьявившихся в самом обычном напитке целебных свойствах занимал сейчас Алексея в самую последнюю очередь. За незаметно пролетевшие пару часов он услышал столько... И такого!... По правде говоря, ощущения его сейчас были сродни тем, что испытывал бы человек, всю свою жизнь просидевший в наглухо закрытой комнате, после того, как некто вывел бы его наружу и показал, что там, совсем рядом, существует совершенно другой мир. Гораздо сложнее и непостижимее того «мироздания», которое до этого момента умещалось у бедолаги в убогих четырех стенах. При этом надо сказать, что абсолютное большинство знаний о вещах, до сего дня надежно укрытых от него неведением, Алексея совсем не порадовало. Чего уж там – скорее, ошарашило и напугало. Хотя еще вчера он просто рассме-

ялся бы в лицо любому, посмевавшему утверждать, что его в этой жизни может напугать хоть что-нибудь.

Но ведь и речь-то шла о вещах вовсе не обыденных и даже не о той «изнанке» жизни, к которой успел за годы своей отнюдь не легкой и не сладкой службы в «органах» приноровиться и пообвыкнуться! Одно дело задержания, засады, бугаи с выбритыми затылками, отнюдь не желающие предавать себя в суровые руки Закона, стволы-ножики и непременные обещания «поквитаться» тех, на ком защелкиваешь наручники.

И совсем другое – не догадка, не подозрение, а *знание* того, что все это – так, смех, игрушки, беспорядок в детсадовской песочнице по сравнению с истинным Злом, реальное присутствие в мире которого ему довелось ощутить недавно, а сегодня и столкнуться с ним воочию...

Оказывается, ничего ему не мерещилось – там, на местах жестоких расправ, которые и вправду были жертвоприношениями действительно существующим демонам ада! Ибо вполне реальны и ад, и его князь, и многочисленные легионы нечисти. А главное – более чем реальны люди, которые упорно, из года в год, из века в век пытаются проложить дорогу в наш мир запретельному Злу во всем его жутком многообразии. Заключают с адскими выходцами и созданиями сделки, союзы и всюю используют дарованную им от «хозяев» злую силу. И тогда на их пути встают другие люди – те кто, опять-таки веками ведет войну со всей этой темной братией, защищая род людской, предпочитающий жить в счастливом неведении об этой надежно скрытой от его глаз войне. Один из таких людей как раз и сидел сейчас на кухне Лешиной квартиры, попивая чаек и пытаясь поделить с хозяином правдой – какой бы сногшибательной та ни была.

Со слов отца Михаила (именно так звали священника) выходило, что подобного рода организации, которые правильней всего называть было братствами, на манер монашеских орденов, все как одна тайные, существовали практически во всех церквях. В нашей же православной, принявшей крещение от Византии, они появились едва ли не с первых дней прихода новой веры на Русь. Ибо слишком сильны были адепты веры старой, язычники-волхвы. Слишком большой кровью могло бы обернуться принятие христианства, сумей и успеи они воззвать к тем силам, от которых многие из них черпали свое могущество... Схватка с ними была кровавой и жестокой, однако именно она позволила Руси избежать тех ужасов, что выпали Европе во времена великой инквизиции и охоты на ведьм. Но и в последующие века дел и забот воинам церкви хватало – ибо человек слаб, а соблазны, идущие от нечистого, куда как сильны.

Многое довелось перенести им вместе с матерью-церковью, плотью от плоти которой они были и остаются – смуты, войны, страшные годы воинствующего безбожия... И вот теперь, когда вроде самое страшное закончилось, началось возрождение веры и церкви, пришли новые беды – такое впечатление, что посрамленная и укрошенная когда-то нечисть решила взять реванш и рвется в мир людей с силой и яростью, которых давным-давно уже не бывало. Казалось бы – восстанавливаются давно разрушенные и заброшенные храмы и монастыри, открываются новые приходы, пусть понемногу, но к священникам начинают прислушиваться и искать духовной поддержки те, кто еще три десятка лет назад и помыслить об этом не мог – военные, милиция, власть предрежающие. Но для скольких из них эти проявления – искренние, идущие от души, от настоящей веры? А для скольких – лишь следование моде, новому поветрию, согласно которому в кабинете на видном месте должны стоять не портреты «вождей мирового пролетариата», а иконы? Может, оттого и чувствуют себя так вольготно в стране всяческие «потомственные маги», «ведуньи», а также «учителя» и «гуру», чьи «проповеди» далеко не всегда являются безобидными бреднями? Вечен свет Божий, но вечен и яростен Враг рода человеческого, веками толкавший и толкающий людей на путь гибели. То тут, то там тянутся глупые

и алчные к запретным «великим знаниям», не понимая того, что запретными эти знания стали не по чьей-то прихоти, а оттого, что опасны смертельно для любого, кто к ним прикоснется. Возвращаются в мир «черные манускрипты», несущие в себе зловещие заговоры и ритуалы, всплывают из небытия созданные людям на соблазн и пагубу дьявольские артефакты. Из-за грехов человеческих, из-за творимого людьми зла истончаются грани между миром людей и темными безднами, где ждут своего часа нечистые твари, рвущиеся в наш мир, чтобы вредить и уничтожать. И тогда в свой вечный бой снова вступает Братство...

– Так что ж получается – этот, которые ко мне приперся, он самый настоящий зомби и есть!? – выслушав «общую часть», по вьезшейся намертво «оперовской» привычке не удержался от сугубо конкретного вопроса Алексей

– «Зо-омби»... Шмомби! Нахватался словечек из глупых фильмов и лепишь их, куда не след, – аж скривившийся от дурного, по его мнению, вопроса, священник не удержался, чтоб не уесть собеседника. – Дух это нечистый! Тот, кого ты, по глупости и незнанию своему, убил, был тем духом одержим. Вот именно дух этот самый мертвое тело поднял – да и отправил мстить тому, кто его планы нарушил. Господа возблагодари за то, что мы в Братстве по своим каналам информацию об этом душегубе имели, и, пусть опоздали с тем, что сделать сами были должны, но ситуацию отслеживали. Попросили человека, в морге работающего, присмотреть... за покойничком. Вот только тот резвее оказался, чем мы себе представить могли. Слава богу, нам вовремя сигнал поступил – хоть тут успели...

– Нет, погодите! Послушать вас, так что ж выходит?! – Алексей, опешив не на шутку от услышанного, прицепился к словам «убил по глупости» и полез сразу спорить. – Мне не стрелять в него надо было, а цветочки подарить?! Или попросить покаяться в том, что он натворил? Так, что ли?! А может... как там у вас написано? Другую щеку подставить? То-то бы этот гад порадовался!

– Во-первых, не «у нас», а в святом евангелии. И не к тупой покорности злу и потаканию насилию то, что написано, призывает – нечего цитаты из контекста дергать, тоже мне, толкователь! Ну, да что с тебя взять... – по всему видно, батюшка старался проявить максимум отпущенных ему терпения и смирения перед лицом невежды. – А, во-вторых, «покаяться»... Ну да, если б ты его об этом просил или даже приказывал, то конечно... Он прям бы так и кинулся каяться! Чины церковные специальные есть для таких случаев, молитвы. Ритуалы специальные – это чтоб тебе понятно сказать. Но не пулей же в лоб! Случается и нашим братьям и силу применять, и оружие. Да что там – ты сам видел... Но вопрос – кому, когда и как! Вот ты скажи – если какой-нибудь школяр или, допустим, бабушка-пензионерка кинутся вооруженного до зубов бандита задерживать – что получится?

– Да ничего хорошего, понятное дело... Как для них самих, так, скорей всего, и для всех окружающих!

– Вот, верно. И сами ни за грош погибнут, и дело загубят. Хотя вроде бы и побуждения правильные, и поступок хороший. Вот и здесь так же. Против каждой силы должна быть другая сила, а не только благие намерения. Против злой, сатанинской – лишь сила Божья, к тому же еще и в праведных руках. В руках тех, кто может противостоять такому, о чем вот ты до сего дня и не слышал.

– Значит, выходит – все у вас там священники? И эти двое, что так ловко с ножиками управляют – тоже?

– Правильно ты подметил, не все в нашем братстве – священники рукоположенные. Братья, о которых ты упомянул – они... вроде послушников. Живут в миру, но служат Господу, мечом охраняя тех, кто нечисть одолевает честным крестом. Впрочем, некоторые из них потом и монахами становятся. Те, кто доживает, конечно...

– Понятно! Силовое, значит, подразделение при батюшках! Спецназ, можно сказать!

– Вот именно. Священнику ведь, для того чтобы обряд совершить, молитвы читать и прочее, надо как минимум живым все это время оставаться! И отвлекаться не след... на всякое. А нечисть братьев наших ой как не любит! И достать старается всячески. Да и людей себе подчинять умеет мастерски – сам видел, знаешь. Вот тут-то и нужны сила и воинское умение. А по поводу спецназа ты, кстати, кругом прав. Большинство из тех, кто с нами сегодня плечом к плечу с сатанинской силой бьется, как раз бывшие спецназовцы и есть. И видели-пережили многие из них такое, что тебе, прости уж, сокол ясный, и не снилось. Крови людской на некоторых из них, что воды ключевой... Но покаяться и сегодня праведным воинским служением грехи те, вольные и невольные, в войнах и «горячих точках» совершенные, искупают. Да и не одни они, кстати. Мне вот, к примеру, в Афганистане повоевать довелось...

Взор отца Михаила затуманился воспоминаниями – явно, не самыми светлыми. А Алексей взглянул на него совсем другими глазами. И тут же выпалил отчаянно вертевшийся на языке вопрос:

– Ну, и как же вы этих братьев-спецназовцев отбираете?

– Не мы отбираем, – отец Михаил усмехнулся, – Господь. Всяк свою дорогу к нам по-своему находит. Не все остаются – кто-то сам уходит, кого-то мы не принимаем. Но по большей части все-таки если уж человек к нам пришел, то с нами и остается.

– Значит, отсеиваете все-таки? А по каким параметрам? Подготовка плохая?

– Подготовка... – священник махнул рукой, – Не в подготовке сила! Не в умении биться – с мечом, с пистолетом или вообще без всего! Мало ли таких умельцев, от которых в мире одно лишь зло приумножается?! Не в силе Бог, а в правде! Знаешь, кем сказано?

– Ну-у-у, если честно...

– Святого Александра Невского это слова! Вот он воин был великий, и святость заслужил, прежде всего, мечом обороняя веру православную и родную землю. Вера – вот, что главное. И вера истинная. Вот ты скажи – в Бога веруешь?!

Вопрос этот отец Михаил в Алексея, что называется, вплепил в упор – как выстрел. А тот и застыл на долгую минуту, не зная, как сформулировать то, что хотел сказать в ответ. Верил ли он? Однозначно – да! И пришла эта вера к нему после гибели родителей. Уж очень хотелось знать, что не ушли они в никуда, не канули в небытие, а пребывают где-то там, в светлой Вечности, в которой им, таким замечательным людям, уж конечно, должно быть спокойно и хорошо. Самое удивительное, что милицейская служба веру эту не погасила, не убила, а, наоборот – укрепила и усилила. Именно от того, что доводилось сталкиваться чуть ли не каждый день с человеческой мерзостью и гнусью, с несправедливостью, подлостью и злом, еще сильнее тянуло к Свету. Да и молитва, не напоказ прочитанная, перед смертельно опасным задержанием все-таки придавала уверенности в том, что кто-то незримый спасет и сохранит его, в общем, неплохого парня, с риском делающего свое правильное сыщицкое дело.

Но вот если перейти к конкретным заповедям, их соблюдению и вообще грехам и грешкам... Тут все обстояло вовсе не так хорошо. А потому, вместо того чтобы вскинуться навстречу священнику и радостно выкрикнуть «Верую!», Алексей опустил глаза и тихо, но твердо сказал:

– Верую, отец Михаил. Но как-то, наверное, неправильно...

– Это что же такое значит – «неправильно»?! – впервые, пожалуй, за весь разговор ошарашен был священник, а не его собеседник. – Ну-ка, объясни мне – как это у тебя получается «неправильно верить»!

– Ну-у... В церкви редко бываю. Исповедь там, причастие... Это вообще не помню когда. И грешу я... по-всякому. Водка там, сигареты... Да вы сами знаете, видели! И вообще... – тут Алексей сбился на какую-то совершенную невнятицу, еще сильнее потупившись в пол. Страшно, сказать, но похоже было, что он близок к тому, чтобы покраснеть – чего никогда в жизни за бравым опером не водилось!

– Вот, значит, как... Ну, что я тебе скажу, Алексей, человек Божий, – речь отца Михаила стала тихой и какой-то по-особому успокаивающей. – То, что ты сам себя грешником считаешь, и если в чем и сомневаешься, так прежде всего в том, достоин ли ты истинным сыном святой Церкви быть... В этом веры, быть может, больше, чем у некоторых в показном благочестии. Главное, чтоб в грехах своих ты раскаивался искренне, и искренне же желал от них избавиться. А тут все легко и быстро не бывает. Так что начнем с главного – ты ведь крещеный?

– А как же! – вот тут Алексею времени на обдумывание ответа не требовалось, вот он его и выпалил, да еще при этом и достал из-под застиранной домашней футболки доказательство – старый-престарый нательный крест, с которым не расставался вот уже долгие годы.

Священник не удивился. Он... просто остоленел, молча вглядываясь в то, что предстало перед его глазами – немалого размера, отлитый из серебра, потемневшего не за годы, а, похоже, за века, крест необычной формы. Широкий и массивный, тот сужался в нижней своей части подобно клинку, да и боковые его лепестки имели не классические, прямые очертания, а изгибались, изрядно напоминая ту же гарду меча. На лицевой стороне крест нес изображение Спасителя, а на оборотной – строки молитвы, которые сейчас вряд ли бы кто разобрал. Однако отцу Михаилу прекрасно было известно, что это за молитва. И что это за крест...

– Откуда?! – только и смог он спросить в удивлении. – Откуда этот крест у тебя?! Как достался?!

– Отец дал, – Алексея несколько смутило крайнее удивление собеседника от взгляда на пусть и не совсем обычный, пусть старинный, но достаточно обыденный для священника предмет. – А сам крест... То ли деда, то ли прадеда. Семейная реликвия, одним словом. Отец не носил – сами знаете, какие времена были, а мне вот передал... А что в нем особенного такого, в кресте-то этом?!

– Особенного? Да ничего, можно сказать. Вот разве что, – при этих словах отец Михаил расстегнул ворот и достал... такой же точно нательный крест, разве что явно поновее. Вот тут уж пришел черед Алексею застыть в удивлении.

– У всех братьев наших такие же. Это – крест Церкви Воинствующей, и носят его те, о ком мы тут с тобой беседовали. И значение он имеет особое, и силу. Теперь понятно мне, почему тварь адская тебя в мгновение не разорвала. Учужал. Боялся... А заодно вот тебе, Алеша, и доказательство промысла Божьего – того, что ничего в жизни этой не происходит «просто так» или «случайно». На все воля Его, и значит, должны были наши пути-дороги пересечься. Такие, выходит, планы у Него на тебя... Просто время пришло нужное.

– Для чего пришло?

– Ну... Для того хотя бы, чтобы ты правду понял, принял и поверил в нее! Для того, чтобы над жизнью своей задумался, над тем как дальше быть и с кем.

– Погодите... Вы что, меня... одним из вас стать приглашаете?! В Братство зовете?!

– Стать или не стать – не мне решать одному, – отец Михаил усмехнулся, – Да и не сразу это решается, ох, не сразу... Но в гости, в обитель нашу я тебя зову. Или, может, тебе еще подумать надо?!

* * *

Звон... Короткий и мелодичный – от мимолетного соударения стремительных клинков. Вспышка... Солнечный блик на, казалось бы, невесомо порхающих лезвиях, отполированных до зеркального блеска. Тень... Смазанный силуэт, в который, ослепив всего на секунду, вдруг превращается твой противник, одним неуловимым, немыслимо плавным и быстрым движением ускользая из поля зрения! И удар! Хлесткий, прилетевший словно бы из ниоткуда, подрубаящий ноги и бросающий на утопанный крупный песок лицом и руками, из которых вдруг куда-то делось оружие...

У-у-ух... Ну вот, опять! Четвертый раз подряд... Алексей, незаметно сплюнув, поднимается, стараясь делать это одним движением, стряхивает песок и идет навстречу тому, кто, от души улыбаясь, стоит по одаль, держа в руках оба клинка. Тот кивает приглашающе: «Начнем сначала!» Начнем, конечно – в пятый раз. А будет и седьмой, и десятый, скорее всего. В чем в чем, а уж в этом Алексею сомневаться не приходится...

В монастырскую калитку по названному в тот вечер отцом Михаилом адресу он стучался буквально через день. Думать?! А о чем тут было думать-то, в сущности? У настоящего сыщика (если он настоящий, конечно же, а не подонок, пришедший в «органы» за властью и взятками) понятие служения въедается не то что в кровь, а в костный мозг. Становится сущностью. И когда после лет и лет такого служения ты вдруг становишься никем, перемолотым и вышвырнутым системой человеческим мусором, то теряется не только удостоверение с табельным «стволом» (хотя и без них первое время – как, извините, без штанов на людной улице). И не «огромная» (три «ха-ха»!) милицмейская зарплата. Теряется главное – смысл. Смысл твоего существования, твоей жизни. И это будет саднить и болеть фантомными болями, как отрезанная конечность – до конца твоих дней. До конца жизни будет не хватать этого – Настоящего. Настоящего дела, настоящих опасностей, настоящих, проверяющихся практически ежедневно по высшей мере, человеческих отношений. Потому что настолько остро и ярко ты не будешь чувствовать жизнь уже никогда...

Да и в чисто житейском плане – куда идти? Чем занять себя и как устраивать жизнь? Податься в «бизнес»? Не имея ни опыта, ни нужных связей, ни «стартовых» денег? Да и не имея, по правде говоря, ни способностей, ни желания этим заниматься? Пристроиться в частной охранной фирме? И что? «Жирные» места начальников «секьюрити» банков и крупных предприятий занимают не его полета птицы. Отставных генералов и полковников тоже хватает, и кушать они хотят не меньше, чем капитаны. Куда побольше, если честно. А с его опытом, возрастом и специализацией... Оберегать чужое добро, понимая прекрасно, что такого тебе не нажить и за три жизни? Опускаться постепенно до уровня сторожа? Или – еще того лучше – очутиться в прикрытой законом, легализованной банде, занимающейся «крышеванием» и «выбиванием»? Стать в один ряд с теми, кого по жизни откровенно презирал? Нет, есть, конечно, и приличные «частники», достойные. Но тут уж – как повезет... А зачем испытывать судьбу, если есть возможность заняться не просто достойным делом, а таким, достойней которого даже и не представить?! Да еще и действовать в системе координат, где нет места полумерам, компромиссам, «вариантам». Где все четко разделено на черное и белое, своих и врагов, подлежащих безусловному искоренению! Да это – мечта для некоторых людей! Алексей был как раз из таких – из-за чего, если честно, и случалось подавляющее большинство его служебных проблем. А здесь – возможность не прислуживать, а служить. Не «решать вопросы», всегда учитывая чьи-то «интересы» и «расклады», а реально бороться со Злом... Без въедливых прокуроров, продажных судей, очумелой «общественности» и буйнопомешанных правозащитников... Так, по крайней мере, представлялось ему в тот момент, когда он стучался в калитку неприметного монастыря...

Где-то подсознательно Алексей ожидал процесса «оформления», чем-то похожего на мытарства в милицмейских «кадрах» – то есть долгого и нудного. Однако никаких проверок, комиссий и, тем более, медосмотров с освидетельствованиями не случилось. Да, было собеседование с братом Георгием, который возглавлял отряд, куда Алексею предстояло влиться – вот оно-то единственное и напомнило ему что-то знакомое по временам прошлой службы. Да и неудивительно – речь, собственно, о милицмейской службе и уровне «профподготовки» к ней и шла. А вот беседы с несколькими священниками, скорее, были разговорами по душам. Правда, начинались они с вроде бы совершенно незначительных и обыденных вопросов, а заканчива-

лись тем, что рассказывал о себе Алексей те вещи, о которых ему раньше вряд ли бы и в голову взбрело говорить вообще с кем-либо. Ну, получалось так как-то... Само собой вроде бы.

Ну, а потом было самое серьезное. Была исповедь... Долгая. Непростая. Принимал ее у Алексея отец Михаил, с мастерством профессора-хирурга удалявший засевшие в израненной душе гнилые занозы и ржавые гвозди. Если продолжать эту ассоциацию – солью раны не посыпал, но и обезболивающего не вкалывал. А как еще расставаться с грехами, если не через боль? К концу исповеди Алексей с удивлением почувствовал, что лицо его мокрое – от слез. Однако и такого чувства облегчения и покоя никогда в жизни раньше ему испытывать не приходилось.

Исповедь, причастие, церковные службы – все это стало с того момента частью его жизни. Никто не заставлял, силой не гнал – но и без этого было невозможно. С другой стороны, то, что раньше представлялось скучным, каким-то мертвым обрядом, который просто надо выстоять, теперь стремительно наполнялось живым смыслом – особенно после бесед со священниками. Они терпеливо растолковывали и объясняли ему, только вставшему на путь воина Церкви, те вещи, которые человек верующий вообще-то должен был бы знать с раннего детства. Никто при этом невежеством в элементарных вопросах его не попрекал, даже отвечая на те вопросы, относительно которых сам же Алексей какое-то время спустя понимал, что были они как минимум неуместными. И дурацкими – как максимум.

Святые отцы учили и другому – тем вещам, без знания и понимания которых он был бы самым обычным боевиком-сорохвatom, а не Божьим воином. Один священник сменял другого, втолковывая:

– Главное оружие и ограждение Церкви и всех членов ее от врагов видимых и невидимых суть Крест. Он – орудие спасительной смерти Господа нашего Иисуса Христа, избавившего весь род людской от рабской участи греху и диаволу, от вечной гибели. Крест же через это соделался символом и знамением спасения и победы над смертью. Оттого содержит он в себе благодатную силу Распятого Спасителя.

Любая нечисть креста страшится, бежит от него в ужасе. Честным крестом и крестным знамением побеждаем силы нечистые, развеиваем бесовское обморачивание и темные чары. При сем говорим следующее...

– Святая вода – вода, что освящена в церкви на специальном водосвятном молебне. При сем крест святой трижды должен быть погружен в воду – с подобающими молитвами и песнопениями. Водосвятие разделяем великое и малое – великое осуществляется накануне праздника Богоявления и в сам день праздника. Малое же – в иные праздники, и во всякий день, как в храмах, так и в домах, на полях и в иных местах, по желанию священника и верующих. Святая вода, употребленная с истинной верою, душу и тело христианина укрепляет и врачует, всякую же нечисть уязвляет жестоко, гонит и устрашает. Запомни! Ежели святая вода, запасенная, заканчивается, возможно в нее добавить воды неосвященной, только чистой. Та же вода сама освящение примет. Коли нужда выпадет – так и поступай.

– Молитва – обращение человека к Богу. В ней Господа мы славим, каемся в своем недостойнстве, исповедуемся перед ним, за явленные нам милости благодарим и о личных своих нуждах просим. Молитва – великое оружие Божьего воина. Ей нечистые силы посрамляем и побеждаем. Сильнее всех для этого – запретительные молитвы. Сие – молитвы некоторых богослужебных чинопоследований, диаволу запрещающие и его изгоняющие. Читать такие молитвы допустимо и должно лишь рукоположенному священнику. Мирянину же такое не подобает. В каких случаях и какие именно молитвы тебе читать надлежит, запоминай...

Это составляло, так сказать, теоретическую часть его учебы. Была и специальная подготовка – как же без нее. Алексей всегда числился неплохим рукопашником. Не чемпион,

конечно, но из схваток с достаточно серьезными противниками выходил победителем не раз. Сейчас же его самооценка в этом плане упала, причем резко. Оказывается, он просто не сталкивался еще в этой жизни не просто с хорошими бойцами, а с Мастерами. Теперь вот столкнулся... При этом надо, конечно, было делать поправку на то, что система ведения боя, принятая в Братстве, здорово отличалась от всех тех, с которыми ему доводилось иметь дело ранее. По той простой причине, что «заточена» была под бой не с людьми, ну, вернее, не только и не столько с людьми, сколько с сущностями и тварями, которые своей силой и скоростью людей зачастую превосходили многократно. Мало того – даже мимолетный физический контакт с некоторыми из них практически со стопроцентной гарантией приводил к самым неприятным последствиям – вплоть до летального исхода. Поэтому основной упор делался не на отработку, скажем, захватов и болевых удержаний, – это годилось, но опять-таки только и исключительно против людей – а на умение избегать прямого столкновения и противостояния «сила против силы». Уходы вместо жестких блоков, увертки и сложнее – на уровне акробатики финты – было в этом что-то от айкидо. Но вместе с тем присутствовала и наработка жестких, молниеносных ударов, так что, скорее, ближе всего эта система была (из всех знакомых Алексею) к чему-то вроде джиу-джитсу. А в общем-то, рукопашный бой был для братьев чем-то вспомогательным, или, скорее, средством для совсем уж крайнего случая. Против тех, с кем им приходилось иметь дело, с голыми руками (пусть и самому тренированному бойцу) лучше все-таки было не соваться...

Основным оружием братьев были клинки. Дать более конкретную классификацию Алексею, который очень даже прилично разбирался в «холодняке», было затруднительно. Для мечей – вроде бы слишком короткие и легкие, а для кинжалов – крупноваты. Алексей, естественно, сразу же полез с расспросами – почему так? На это не сильно разговорчивый обычно брат Илья, выполнявший для «новобранца» роль инструктора по клинковому бою, объяснил, что да, изначально оружием братьев как раз и был классический славянский меч. Причем оружием главным, с которым они не расставались практически никогда. Но было это, конечно, в те времена, когда вид опоясанного мечом человека даже в самом людном месте ни у кого никаких вопросов не вызывал – нормальная деталь костюма, так сказать.

Так было когда-то. А нынче... Попробуйте сегодня продефилировать с мечом по городу – хотя бы проехаться в метро в час «пик». Кто-то примет за спятившего «реставратора», а кто-то и сразу за потерявшего страх маньяка, вышедшего на охоту за головами. Короче, проблемы гарантированы как с правоохранителями, так и с представителями психиатрии – не обязательно в такой последовательности, но наверняка. Современный же клинок братства оказался куда как удобен не только для ношения (прежде всего скрытого), но и для боевого применения, к примеру, в условиях ограниченного пространства, где длинным мечом не сильно-то и помашешь. Кстати, потеряв в длине, клинок остался достаточно массивным – настолько, что им можно было не только колоть или резать, но и рубить. Это опять-таки результат выводов, сделанных из практики, – боевой опыт применения пришедших на смену мечам шпаг и остального куда более изящного оружия, вроде рапир, показал, что против нечисти и нежити они крайне неэффективны. Выходцы из потустороннего мира умудрялись переносить все возрастающее количество колотых ран в своем, существующем по нелюдским законам организме, сохраняя большую часть своих боевых качеств, а то и вовсе игнорировать. А вот отсечение различных когтистых конечностей, щупалец и тем более – башки, действовало на них как раз с нужным эффектом.

Широкое (причем не равномерно, а прямое у основания и с расширением ближе к острию) лезвие, не вычурная, а простая практичная гарда, рукоять, обтянутая кожей и имеющая на конце блестящее полушарие-балансир, позволяющее наносить серьезные удары – именно так выглядел сегодня клинок Братства. При этом изготавливался он полностью из серебра, на нем гравировались строки молитв и церковные символы, после чего следовала

церемония освящения. Вот тогда-то и становился этот клинок грозным оружием, смертельно опасным для нечисти и ее приспешников.

Другим оружием или, скорее уж, средством активной самообороны (правда, используемым больше не братьями, а опекаемыми ими священниками) были посохи. Тоже весьма непростые – не из абы какого дерева сделанные, окованные полосками серебра, прошедшие обряды освящения. С их помощью можно было противника, прежде всего, удержать на расстоянии, остановить и временно обездвижить – хотя бы до того, как подоспеет подмога. Впрочем... Как-то раз Алексей стал невольным свидетелем того, на что с этим самым посохом в руках способен вышедший поразмяться на тренировочную площадку батюшка. Н-да... Не хотелось бы ему оказаться противником в поединке с этим бойцом. Посох, шест – это в руках неумехи палка, а когда его берет мастер... Шаолиньскими монахами в наши дурные времена, наполненные преклонением перед всем иноземным, восхищаются все. Вот только почему-то забывают при этом о воине-монахе Пересвете, с копьем одолевшего на Куликовом поле лучшего поединщика Мамаевой орды Челубея, который, кстати говоря, тоже был бойцом далеко не простым. Древнерусские летописи уверенно причисляют его к членам некоей «секты воинов-буддистов», причем имел в ней «поганский» богатырь самую высшую степень посвящения. Уж не шаолиньских ли мастеров ученичок?! Вполне возможно, особенно если учесть, что до встречи с Пересветом противник его одержал победу аж в трех сотнях поединков и считался непобедимым в принципе. А вот поди ж ты – против православного монаха не сдюжил...

Имелось в арсенале Братства и более привычное для Алексея огнестрельное оружие – как пистолеты с «калашами» различных модификаций, так и более серьезные штуки – вплоть до мощных дальнобойных снайперских винтовок. Что интересно, самыми «востребованными», как понял Алексей, были помповые дробовики. По той простой причине, что переснарядить боеприпас к ним серебром вместо свинца было делом элементарным, пусть даже и в домашних условиях. Имелся в наличии «спецбоеприпас» – то есть патроны с серебряными, особым способом изготовленными пулями и для всех прочих «стволов», но с его изготовлением, понятно, дело обстояло куда сложнее. Да и эффективность серебряных пуль против многих из противников, с которыми доводилось бороться Братству, была, мягко говоря, сильно преувеличена. Да – помогало... Но далеко не всегда и далеко не против всех представителей весьма разнообразной нечисти. В тонкостях и нюансах данного вопроса Алексею, заслуженно «блеснувшему» на небольшом стрельбище Братства, еще предстояло разбираться и разбираться. Оно и понятно – охватить сразу всю огромную сумму знаний и опыта, накопленного Божьими стражами за века, не удалось бы никому.

Пока что ему с трудом хватало сил, чтобы впитать, осмыслить и попытаться собрать воедино все новые и новые скрытые до недавнего времени, а то и вовсе тайные знания, которые валились на него. А в идеале – осознать на основе их новую картину мира и своего места в нем. Одно дело – выразить желание присоединиться к братству воинов Христовых и день за днем оттачивать боевые умения и навыки в бесконечных тренировках. И совсем другое – понять, не только разумом, но прежде всего сердцем сущность Братства, его значение и предназначение. В этом как раз больше всего помогали долгие беседы с отцом Михаилом, на которые тот умудрялся выкраивать время, независимо от постоянной занятости. Начинались они зачастую с тем совершенно несерьезных, а выходили на вопросы глобальные.

Один из таких разговоров завязался спустя пару месяцев после того, как Алексей впервые ступил на монастырскую землю. И дернула же его за язык нелегкая, неважно в каком уж контексте в шутку упомянуть чуть ли не всемирного любимца большинства детворы – очкастого юного мага. Вот с Гарри Поттера, будь он неладен, все и «понеслось»...

– Вот ведь, точно – последние времена наступают! Нашли же кумира для себя и для чад своих – колдуна, мага, понимаешь, и волшебника! Гаже ничего и придумать нельзя – разве что совсем уж открыто нечистому поклоняться! – отец Михаил, начав речь сокрушенным от огорчения голосом, распался, похоже, все больше. А Алексей, по привычке, щедро плеснул в разгорающийся огонь масла:

– Так он же вроде... того, добрый волшебник? Или как? А со злыми... это... сражается, кажется... Не, не читал я этого всего – маленький, что ли? Так, фильм как-то видел... кусок... – Алексей говорил все сбивчивее, в уме трижды уже обругав себя распоследними словами за то, что вообще эту тему затронул. Поскольку выражение лица священника оч-чень явственно указывало на то, что задело его за живое крепко. И точно...

– До-о-брый?! Вот, значит, как?! Запомни! Раз и навсегда на носу себе заруби – не бывает добрых колдунов! Не бывает магии «белой» и «черной»! Не бы-ва-ет! Нет, никогда не было, и быть не может! А «добрые» колдуны, которые со «злыми» борются, – это вроде как, прости Господи, черти, которые другим чертям рога обламывают. Да все равно бесами нечистыми при этом остаются – что одни, что другие... – выговаривая все это, священник пальцем при каждом слове крепко припечатывал столешницу. И создавалось сильное впечатление, что с большим удовольствием в данную минуту он стучал бы Алешеньке по лбу – для лучшего восприятия.

– Это ты с ними, мил друг, не сталкивался еще никогда – с колдунами да с ведьмами... Вот узнаешь на собственном опыте – что они такое, увидишь своими глазами, тогда и поймешь. А пока поверь уж мне на слово да запомни крепко – любое колдовство или, уж как сейчас модно говорить, магия есть зло. И исходит она только от одного – от нечистого, врага рода человеческого. Ведь в чем суть колдовства, в чем смысл и цель его – скажи, как думаешь?

– Ну-у-у... – Алексей, выдавливая из себя ответ, нарочно тянул время, пытаясь не ляпнуть чего-то совсем уж ненужного, – наверное, в том, чтобы получить что-то – силу, власть, какие-то конкретные блага... Или, наоборот, кому-то гадость сделать. Порчу там, или что-то вроде. Так мне кажется?!

– Для начала – правильно. А «что-то вроде» это проклятие называется. И получают такие вещи у всяких колдунов и «магов» почему-то гораздо лучше, чем что-то, на первый взгляд, хорошее. Почему бы так – не задумывался? А по-другому и быть не может. Сила, которая для колдовства используется, от зла исходит и злу предназначена. И власти злые дела дают гораздо больше, чем добрые – это тоже факт.

– Нет, ну подождите, – Алексей набрался-таки опять смелости не то чтобы спорить, но все-таки вставить очередные «пять копеек», – есть же и знахари всякие, или кто там они такие. Они ведь людей вроде лечат и вот эти порчи всякие снимают... Эти – тоже зло?!

– А, вот ты о ком вспомнил... – отец Михаил усмехнулся. – Во-первых, как там эти колдуны «лечат» – это большой вопрос. Поинтересуйся потом на досуге, чем такие «лечения» сплошь и рядом заканчиваются. Удивишься крепко... А во-вторых, не всегда даже лечение – благо!

– Это как?!

– А вот так! Болезнь, немощь телесная – она ведь может и наказанием Божьим быть, и предупреждением. Да и, как правило, человек сам к себе ту или иную болячку «приваживает» – хотя бы тем, что ест, пьет, делает. А зачастую – и тем, что говорит и думает тоже. Ну, нотаций о здоровом образе жизни читать тебе не буду, ты не маленький, а я не лектор из общества «Знание». О другом скажу – все, что с человеком происходит и случается, так или иначе есть часть Промысла Божьего. Хвори, представь себе – в том числе. И тот, кто в это с колдовскими «ритуалами» лезет, как раз против этого промысла и выступает. А значит – против Бога. И уж тем более те, кто начинает играть с «приворотами» да «отворотами», «заговорами» на деньги да на удачу. Ведь они таким путем что сделать хотят? Получить незаработанное, незаслуженное

– то есть опять-таки сжульничать, сшулерить в жизни по-крупному. Но все это – так, частности, мелочи, можно сказать. Ведь основная цель любого, любого, поверь, колдуна – встать не менее чем вровень с Богом-творцом. А то, как мнится им в их гордыне, и превзойти его! И чья это цель? Чей замысел? Объяснили ведь уже тебе, наверное. И я тоже объяснял...

Ведь то, что сегодня происходит в мире нашем грешном – неспроста это все. Сначала книжки-фильмы про «белых магов», про детишек-колдунов. Потом – больше. Уже и вурдалаки у них добрые да хорошие по экранам скачут, нечисть такая положительная да правильная, что умиляться в пору... А дальше – и, Господи прости, черти героями становятся! Они, оказывается, тоже есть не только злые, а и «добрые». Со злом борются, людям помогают, спасают их... Думаешь, мы тут совсем уже пни замшелые – не интересуемся таким, не видим? Зря думаешь. Как раз именно нам, Братству, всю эту пакость отслеживать и приходится, хоть и плюясь. Потому что это все – тоже оружие в вечной борьбе против нас. И кому-то, ты уж поверь, все это нужно, все это выгодно. Не само по себе в последние годы происходит все то, что происходит. А уж последствия...

Разговор был прерван самым внезапным образом. Раздался стук в дверь, и в комнате возник брат Георгий. Алексей, по старой милицейской привычке, увидев того, кто являлся ему теперь вроде как непосредственным начальником, вскочил со стула. Но руководитель «силовиков» Братства, удостоив новичка лишь легким кивком головы, сразу подошел к священнику, складывая руки положенным образом.

– Благословите, честный отче!

– Господь благословит!

Перекрестив и подав руку для целования креста, отец Михаил спросил:

– С чем пожаловал?

– Да вот, батюшка, есть, похоже, для нас задача. Не то чтоб что-то из ряда вон, а все-таки... Звонил сегодня священник, настоятель храма одного из дальних сельских приходов. В его краях что-то нехорошее твориться начало. И «что-то» это крепко на чертовщину смахивает. Многого он, понятное дело, по телефону не рассказал, но суть в том, что люди пропадать начали и вроде как неспроста. Есть там в округе место одно...

– Нехорошее?

– Было нехорошее, а сейчас, есть подозрение, и вовсе поплохело. С чего, почему, что там конкретно творится – на месте разбираться надо. А сам священник местный, хоть и с делами нашими знаком, но из молодых, побаивается в одиночку.

– Вот и нечего ему! На то мы есть. Ну, раз батюшка там имеется, то пусть братья приедут, помогут ему. Сам отправись?

– Да нет, думал Олега с Игорем отправить. Ну, максимум, если скажете, еще кого-нибудь с ними одного.

– А вот его возьмите! – отец Михаил развернулся при этом к Алексею. – Там ведь вроде ничего особо сложного быть не должно, так вот пускай от теории, так сказать, к практике помаленьку переходит. А то у него, похоже, от бесконечного дрыгоножества и рукомашества на тренировочной площадке уже разум возмущенный бурлить начинает! Пушай проветрится...

«Договорился»... Именно такой была первая реакция Алексея. Ну, а потом, конечно, чуть ли не щенячья радость: «Ура! Наконец-то его признали хоть на что-то годным, и пусть под присмотром старших товарищей, но готовы взять “в дело” Уж теперь-то он себя покажет!»

Село, раскинувшееся по берегу Десны, и вправду было невелико. То есть когда-то тут, может, и кипела жизнь, но сейчас на всех без исключения улицах шурились подслеповато-грязными окнами из густых и диких зарослей заброшенные давно строения. Где-то – почти уже ушедшие в землю по стреху хатки-развалюшки, а где-то и вполне в прошлом добротные дома.

А чему удивляться? Глушь Черниговщины, самые что ни на есть «депресняковые» края. Забытые и покинутые не только «властями» – как столичными, так и местными, но и своими же собственными жителями. Всякий, кто мог, давно подался в города, ища если не лучшей доли, то хоть какого-то заработка и жизненной перспективы. Так что запыленный внедорожник, преодолевавший местные колдобины и ухабы с взрывыванием движка и скрипами в ходовой, взглядами провожали только греющие старческие косточки на ветхих лавочках перед воротами деда да бабки. Ну, правда, искомую дорогу – к церкви, как раз они указали уверенно.

Местный батюшка, настоятель сельского храма отец Иона и вправду оказался молод – как бы не младше самого Алексея. То ли от этого, то ли от чего другого, но перед прибывшими гостями он слегка робел, хоть изо всех сил и старался не подавать виду. Может, просто переживал, что вот сорвал в неблизкую дорогу серьезных людей, а проблем-то настоящих и не обнаружится. То-то сраму будет...

Расположились гости в тенистом саду, где для храмовых и иных праздников был поставлен простой длинный деревянный стол с парой таких же непритязательных лавок. Пока жена священника с добровольными помощницами из прихожанок собирала нехитрое угощение «перекусить с дорожки», Алексей осматривался по сторонам. Небольшой, но чистенький и очень даже уютный с виду домик, в котором жил батюшка с семейством, располагался прямо в церковной ограде. Маленькая церквушка, построенная в основном из дерева, роскошью не блистала, зато вызывала почтение своим возрастом, тем, что пережила и войны, и революции, и прочие лихолетья. Оно и понятно – даже на первый взгляд видно было, что и сейчас, несмотря на явно сократившееся число жителей, дорога к церкви не зарастает, а территория ее выглядит чуть ли не самой ухоженной в селе.

Налив гостям по большой кружке кваса (Сам делал, отведайте!), отец Иона приступил к рассказу. Дело было в следующем: в нескольких километрах от села на речном берегу было место, о котором с давних пор говорили... ну, скажем так, всякое... Несмотря на то что было оно очень даже живописным, местные старались его по большей части избегать. Причины? Да разные. В основном очень даже яркие рассказы о том, что виделось и слышалось время от времени на том месте людям такое, что к ночи точно поминать не годится. Было кое-что и посерьезнее. Хотя бы то, что тонули в том месте любители искупаться куда чаще, чем в других. Причем не только детишки, а и вполне взрослые люди, в том числе и мужики с завидным здоровьем и силой. Можно, конечно, было бы списать на коварное течение и раскинувшийся рядом омут, на неумение плавать или выпивку, но некоторые случаи ничем из этих причин не объяснялись при всем желании. Так что и купаться и ловить рыбу местные жители старались все-таки поодаль от красивого прибрежного холма с удобно спускавшимся к воде пляжем.

А вот приезжие – в основном молодежь, с некоторых пор на месте этом появлялись регулярно, устраивая кто вполне благопристойные пикники с шашлыками и купанием, а кто и достаточно буйные гулянки с кострами и полуночными танцами вокруг них. Здешние жители таких отдыхающих, понятное дело, не одобряли, но и отваживать не собирались – поди отвадь приехавшую на рыкающих джипах компанию обезбашенной молодежи, к тому же накачанной спиртным, а зачастую и не только им... Да и вообще – чего лезть-то?! Найдут беды себе на задницы городские бездельники – так кто ж им виноват? Мы их сюда не звали. А предупредить – так кто ж из них будет «колхозников» слушать? В лучшем случае поржут да и пошлют так, как самый старый в селе дед не слыхивал. И это – еще в лучшем... Печальный опыт на этот счет имелся. По словам отца Ионы, одна из прихожанок рассказывала ему, что забредя как-то в поисках ушнырившей непонятно куда скотины на тот самый берег, обнаружила там не пьяную или обкуренную в хлам компанию, а двоих приличных девушек явно городского вида. Одну постарше, другую и вовсе, по ее меркам, «соплячку», явно оборудовавших место под ночлег. Пожалев приехавших, бабка сунулась было с советами насчет того, что тут оставаться, тем более ночевать, не стоит. Так вот, жаловалась потом священнику «советчица» – младшая

из приезжих на нее «вызверилась», а та, что постарше, не сказала ничего, но зато зыркнула так, что у бабушки пропало всякое желание общаться, зато возникло другое – оказаться от этого места подальше. И побыстрее, по возможности.

Вот с приезжих «отдыхальщиков» все и началось. В последнее время в село несколько раз приезжали оперативники – пару раз из районного отдела, а не так давно и из областного управления. И все по одному и тому же поводу – искали пропавших бесследно людей. Один раз речь шла о двоих парнях, второй – о девушке. Нет, и раньше навевались в село «милицейские». Но было это больше года тому назад, и речь шла о случившемся вроде бы все на том же, будь оно неладно, месте изнасиловании. Ну, поездили-походили по дворам, поспрашивали – может, кто что видел или слышал (никто и ничего, естественно!), да и отъехали восвояси. А тут – раз за разом, да расспрашивали куда дотошнее. Мало того – не так давно заявили на двух недешевых машинах люди, по их словам, родственники пропавших парней. Тоже ходили-бродили, показывали фотографии, пытались узнать хоть что-то и деньги за любую информацию сулили по меркам забитого села просто нереальные. Тут уж и рад был бы кто помочь – так ведь и вправду нечем. В село ребята не забредали (что им там делать-то, если даже ближайший магазин с просроченным пивом в соседней деревне располагается?!). А приглядываться – кто там на речке пляжится или, тем более – ночью скачет-пляшет, дураков нет. Да и кому оно надо?!

Но призадумались в селе крепко. А больше всех – отец Иона. И если остальные жители просто стали обходить поганое место по еще более широкой дуге, то священник принялся сопоставлять факты, вспоминать слухи, а потом и рыться в давнем прошлом. Не поленился даже в райцентр съездить, чтобы в архивах информацию поискать, поговорить со знающими людьми. Кое-что интересное все-таки «нарыл». И, надо признаться, очень ему то, что узнал, не понравилось. Совсем уж правду сказать – даже напугало.

По сведениям одного из старейших сотрудников когда-то существовавшего в райцентре, а ныне благополучно умершего за ненадобностью и полным отсутствием финансирования краеведческого музейчика, за интересовавшей священника местностью слава тянулась давняя. И – исключительно кровавая. Рассказни о том, что где-то вроде бы в тех местах чуть ли не во времена царя Гороха промышляла лихая разбойная шайка некоего то ли атамана Соловья, то ли батки Филина, можно, конечно, было списать на древние легенды и бабушкины сказки. Равно как и указание, имевшееся в этих легендах на то, что именно на высоком речном берегу творили разбойнички расправу над захваченными в полон купцами и прочими людишками, которым не повезло оказаться у них на пути. Было ли – не было – кто ж его достоверно знает? Во всяком случае, никаких документальных подтверждений тому не имелось...

А вот то, что в годы Великой Отечественной именно на этом месте полицаи-предатели под руководством «кураторов»-карателей расстреливали людей, было известно доподлинно. Пришедшие вслед за Красной Армией в сорок третьем году хмурые следователи из НКВД дело свое знали крепко и к расследованию зверств фашистов и их пособников относились со всей серьезностью. Так что остались и документы, и писанные свидетельства очевидцев. Хотели даже поставить на том месте памятный знак, да все как-то руки не доходили, потом забылось, а потом и вовсе в стране кое у кого так перевернулись мозги, что и война та стала не войной и жертвы – не жертвами, да и палачи не палачами, а чуть ли не героями...

Одним словом, затерлась, истлела память с годами, тем более что старики-свидетели тех страшных лет и дел по большей части отошли в вечность, а детям их и тем более внукам, не сильно-то и было до этого дело. Но земля помнила... Помнила пролитую на ней невинную кровь людей убитых и зарытых без покаяния и должных обрядов. Помнила и черную ненависть тех, кто творил на ней зло. И, в свою очередь, начала зло притягивать. Как людское, так и иное – из-за грани. По всему выходило, что как раз темные, бесовские сущности и начали всю

пользоваться «плохим местом» как червоточиной, чтобы влиять на наш мир, а в последнее время – похоже, и проникать в него.

Что стало последней каплей, проломившей барьер? Может, именно то самое, годичной давности изнасилование? А, может, и что-то другое. Сидя в уютном садике – не разберешься. Как бы там ни было, а надо было отправляться на место, смотреть, насколько все там плохо, и уж тогда делать окончательные выводы и принимать решения. Идти, понятное дело, предстояло как раз ночью, поскольку именно в это время суток как раз и случались там все странности и исчезновения, а днем максимальной угрозой, с которой можно было столкнуться, оставались разве что комары.

Давно уже Алексей не спал так спокойно и сладко. Отказавшись от предложения «перекамарить» в крошечной «гостевой» комнатке дома священника, отправился в заваленный до потолка душистым сеном сарай. Кинул на показавшуюся самой мягкой золотистую гору, приготовленную как раз для таких случаев армейскую плащ-палатку – да и вырубился в момент, наслаждаясь сельским покоем. Всего на минутку – по крайней мере, так показалось, когда кто-то немилосердно затряс за плечо.

– Подъем, боец, выдвигаемся! – нависший над ним брат Игорь уже был одет «по-боевому»: комплект черной формы спецназовского образца, разгрузка, высокие берцы, голова повязана черным же платком-банданой,

– Давай собирайся. Ждем во дворе, – сказав это, Игорь вышел.

Сборы много времени не заняли. Благо сумку со снарягой Алексей, отправляясь отдыхать, благоразумно взял с собой. Впрыгнуть в форму, вжикнуть замком разгрузки, зашнуровать ботинки, повесить на бедро клинок – долго ли? Через пяток минут он уже присоединился к собравшейся во дворе группе. Шли вчетвером. Похожие, как близнецы, воины Братства и отец Иона. Батюшка был в повседневном облачении, и необычным его прихожанам, окажись они тут, показалось бы разве что то, что обут он был в такие же, как и у спутников, берцы, а в руках держал увесистый посох, предназначенный явно не только для помощи при ходьбе. Как заметил Алексей, у Олега, вдобавок к кинжалу, на плече висел укороченный дробовик. А вот ему самому досталась другая ноша – объемистая сумка с чем-то позвякивающим металлом и побулькивающим. Это, как пояснил Игорь, были принадлежности отца Ионы – крест, чаша и сосуд для святой воды, кадьница, книги и прочее. Нести, естественно, доверили самому «молодому». «Ничего не меняется», – невесело подумал Алексея, поудобнее устраивая на плече увесистую ношу. Тронулись...

Ночь еще не наступила, сгущались летние сумерки, в которых, пройдя по кривоватым боковым улочкам села, четверка и отправилась к цели. Идя негустым перелеском по-над берегом реки, Алексей все пытался настроить себя на предстоящее. Получалось, честно говоря, не очень... Наверное, из-за того, что толком пока было непонятно – на что ж все-таки настраиваться. Да и окружающий пейзаж вкупе с ласковым журчанием речной воды и полусонным уже, затихающим по кустам и деревьям, птичьим щебетом совершенно не наводил на мрачные или тревожные мысли. Скорее, в голову лезло то, что давненько уже не был он на хорошей рыбалке – с ночевкой, ухой, костром. И вот как раз к этому окрестные места просто очень даже располагали, обещая отменный улов и классный отдых. Все поменялось минут через тридцать...

В совсем уже мглистой серости окончательно умирающего дня группа вышла к цели. Безлесый, поросший невысокой травой, носивший на себе многочисленные следы кострищ холм возвышался над окружающей местностью не то чтоб сильно, но ощутимо. Деревья словно испуганно разбегались от него в разные стороны, мало того – у края своего, там, по крайней мере, где Алексей еще мог разглядеть, поросль была какой-то убогой, корявой, словно бы больной. Деревца по мере приближения к холму становились все более чахлыми, стояли, несмотря на

ласковое лето, без листьев, с перекрученными, лишенными коры стволами. От одного этого было как-то не по себе. Даже впервые оказавшийся в подобной ситуации Алексей почувствовал – что-то тут не так. Место словно давило на людей – пока что слегка, но это только пока что. Начинало казаться, что собирающаяся в окружающих зарослях ночная мгла подобно мутному потоку накапливает силы, чтобы накатить, захлестнуть, смести пришедших незваными людишек. «Да как тут вообще кто-то отдыхать мог?!» – Алексея аж передернуло от неприятного ощущения. Поднявшись на вершину холма, он, повинаясь команде Игоря, поставил сумку с вещами отца Ионы на траву и повернулся лицом к реке. В ту же минуту на спину словно бы обрушилось ведро ледяной воды. По позвоночнику прямо-таки продрало ознобом. Нечто подобное Алексею, с его-то жизненным опытом, испытывать приходилось – он безошибочно «опознал» впившийся в спину взгляд, чужой и враждебный. Смотрели на него не с добром, и не раз – в том числе и через прицел... Но в этот раз ощущение было во сто крат сильнее и неприятнее. Слишком уж явственно помимо простой злобы читалось во вперившемся в него взгляде желание порвать и сожрать. В самом что ни на есть буквальном смысле...

– Так, Олег, Леша, – голос старшего вырвал из зловещего оцепенения, возвращая в реальность, – Нам тут впотьмах сидеть скучно будет, а дров нет. Давайте-ка пройдитесь, с краю сушняка наберите или наломайте уж, если получится. Только аккуратней. Нехорошо там, в лесу...

– Сами чуем уже, – Олег спокойно отправился к зарослям, правда, перекинув при этом дробовик для стрельбы одной рукой, с упором на ремень. Алексей двинул за ним.

Против ожиданий, никто на них из перекрученных-перемешанных зарослей так и не кинулся. Сушняка, вполне годного на костер, оказалось достаточно, несмотря на то, что, судя по следам от топориков и просто сломам на сучьях и ветвях, за топливом сюда они пришли далеко не первыми. Сосредоточившись на простой, требующей физических усилий задаче, Алексей вроде как-то даже и отвлекся от гадких ощущений – мысли оказались заняты только тем, как бы набрать охапку побольше. И потому крик Игоря стегнул по нервам, как плеть:

– Назад! Оба – бегом сюда!

Назад так назад... Но команды насчет дров никто не отменял, так что Алексей пер на холм перед собой приличную ношу сучков и палок, пытаясь при этом двигаться побыстрее и не свернуть шею. Олег, забросив оружие за спину, не отставал. Вскарабкавшись с горем пополам на верхушку холма, оба свалили дрова наземь и уставились на командира: «Чего звал-то?!» Но Игорь и сам застыл в позе «весь внимание», развернувшись к отцу Ионе. Лицо его маячило белым, как мел пятном – и дело, похоже, было не в наступившей темноте, а в залившей его смертельной бледности.

– Ох, и зря мы, похоже, сюда явились, ох и зря... – отец Иона, качая сокрушенно головой, показывал на что-то лежащее у его ног. В то место, куда он указывал, ударил свет фонарика, и только тогда Алексей разглядел, что песок у старого кострища разрыт, а в неглубокой яме лежит какая-то явная дрянь – перемотанные нитками кости, то ли дощечки, то ли таблички, и вдобавок ко всему, похоже, полуразложившаяся птичья голова.

Тем временем отец Иона тщательно вытер руку об траву, отвернулся от поганой ямы, перекрестился и, собравшись с силами, заговорил:

– Плохо дело, братья. Мы-то думали – просто место плохое, оскверненное, вот нечисть и бесится. А тут все куда хуже! Судя по тому, что тут валяется, обряд колдовской проводили – вот на этом самом месте, и не так давно! Ну, а это все равно, что той самой бесовской пакости, которая и так вокруг этого места вилась, как мухи вокруг сами знаете чего, дверь настезь открыть. Да еще и пригласить радушно – заходите, мол! Эх, как же я проморгал-то! Ну, да что уж теперь... Знать бы, кто да что тут творил конкретно, легче бы было. Да только попробуй разбери так вот сразу...

– Ну, по всему судя, невелика загадка, – стоящий над ямой Игорь указал на нее носком ботинка. – На призыв заговор делали. Оч-чень кому-то хотелось с нечистой силой поближе познакомиться.

– На то похоже, – священник кивнул, соглашаясь, – а вот что за тварь вызывали, да что получилось – поди узнай.

– Сейчас узнаем, похоже!

Из чащи волной разлился гнусный вой, спустя мгновения заглушенный треском веток и дробным топотом. При первых звуках Игорь вскинулся, одним движением разворачиваясь к зарослям и принимая боевую стойку.

– Братья – ко мне! Батюшку прикрываем! Святой отец, молитесь на изгнание нечистого духа! Не угадывать время, а драться!

Становясь слева от Игоря, плечом к плечу, Алексей увидел метнувшиеся к холму черные мохнатые тени, передвигающиеся странными дергаными скачками. Как ни удивительно, но как раз страха они почему-то не вызывали. «Чупакабры, блин, местные!» – мелькнула совсем уже дурацкая мысль. А через секунду стало не до мыслей...

Вырвавшаяся вперед тварюга, вдруг одним прыжком перемахнув половину склона, летела напрямик на Алексея, метя ему в лицо когтями, увидев которые любая чупакабра бы обзавидовалась до смерти. Спасибо братьям, выжимавшим и выбивавшим на тренировочной площадке силы до последней капли пота – тело среагировало на полном автомате. Сделав полуоборот с подсадкой на правую ногу, Алексей от всей души полосанул перехваченным обратным хватом клинком по мохнатой бочине. Судя по тому, с каким душераздирающим визгом погань укатилась во тьму, освященное серебро пришлось ей совсем не по вкусу.

А следующий из «гостей» уже несся прямо на него, повторив рекордный прыжок сородича и растопырив уродливые лапы в прямо-таки родственном «объятии». С обнимашками не сложилось – распрямляясь из полуприседа, Алексей принял прыгуна на встречный удар перехваченного прямым хватом клинка. Этот даже не визжал, а только захрипел, брызнув из развороченного брюха чем-то нестерпимо вонючим – и тоже улетел по склону вниз, вслед за первым.

«А ничего так получается!» – с этой мыслью Леша скосил взгляд влево, чтоб посмотреть, как там держатся товарищи. Держались они неплохо – Игорь бился сразу двумя клинками, орудуя ими с такой скоростью, что во все стороны разлетались клочья шерсти смрадные брызги от рассеченной его кинжалами нечисти. Олег, стоящий в центре и закрывающий своей широкой спиной священника, из боя временно «выпал». Стоя на одном колене и воткнув кинжал перед собой в землю, он в данную минуту сосредоточенно отдирает от цевья дробовика когтистую мохнатую лапу. Похоже, напавший бес решил первым делом вырвать висевшее на груди оружие, да поплатился за это отрубленной конечностью. Правда, теперь Олегу приходилось избавляться от такого «украшения» на стволе, мешавшего открыть огонь. Находящийся за спинами братьев отец Иона тоже, как оказалось, времени зря не терял. Перед ним на импровизированном «походном» алтаре уже теплилась лампадка, стоял крест и лежала открытая книга. Чиркнув спичкой, батюшка зажег курильницу, и в воздухе начал разливаться ощутимый аромат ладана. Закончив с этим, отец Иона взял в руки книгу – сейчас атакующим тварям предстояло познакомиться с тем, что будет для них поубойнее серебряных кинжалов...

Полное впечатление, что нечисть почуяла – сейчас ей будет худо, и решила усилить натиск. По кромке зарослей прошел шорох, треск, и из них выплеснулись новые нечистые духи – массивные фигуры их словно бы были сложены из наспех, кое-как нарубленных и сметанных древесных веток и сучьев. Венчали эти «конструкции» уродливые бошки-пеньки с дуплами-пастями и горящими красными угольками буркалами.

«Кр-расавчики! Кусты ходячие! Это типа лешие, что ли?! А вот интересно, кинжал их возьмет или завязнет в деревяшке?!» – все эти мысли мелькали в голове у Алексея, разглядывавшего нового противника в мертвенном свете вскарабкавшейся над лесом полной луны, со скоростью картинок калейдоскопа. Долго мучиться загадками опять-таки не пришлось: из-за спин неспешно ковылявших к вершине холма «кустов» выскочили уже знакомые мохнатые «прыгуны» – и понеслось... Он успел свалить в рукопашной пару особо активных бесенят, когда над ухом дважды рявкнул дробовик Олега. Серебряная картечь вымела мохнатую напасть безжалостной метлой, а вот на «древесных», похоже, такого действия не произвела. То есть здоровья и бодрости она им точно не прибавила, но и остановить не остановила. Прут, как перли, чуть замедлились разве что...

– Подмогните, батюшка! – в голосе Игоря явственно звучали нотки тревоги.

– Сей момент! – так и не начавший читать молитву священник (помолитесь-ка, когда над головой лупят двенадцатым калибром...) с готовностью откликнулся на просьбу. Сорвавшаяся с кропила святая вода, блеснув серебряным дождем в лунном свете, широким веером окатила почти уже доковылявших до вершины холма лесных страхолудин. Эффект превзошел все ожидания! Казалось бы вода – не огонь, и всему древесному только на пользу, – но только не овеществленным нечистым духом «кустам». Там, где она попадала на уродливые фигуры, раздавалось явственное шипение, поднимался дым, начинали отваливаться целиком угловатые лапы-ветки. Олег от всей души добавлял картечью, пока были патроны... Неуклюжие фигуры, несколько мгновений пытавшиеся продолжать движение вперед, начали со скрипом и уханьем пятиться, а потом и вовсе покатались назад, стремительно распадаясь буквально на глазах. До края леса не добрался никто.

В округе снова стало тихо. Тем не менее никто из стоявших на холме расслабляться не собирался – интуиция подсказывала, что это еще далеко не конец. Игорь, не выпуская из рук клинков, напряженно всматривался в темень, Олег лихорадочно перезаряжал дробовик, на всякий случай загнав первыми пару патронов уже не с картечью, а с пулей поувесистей, отец Иона застыл с развернутой книгой в руках.

Предчувствия не обманули... Они вообще-то редко обманывают, если речь о предчувствиях паршивых. На сей раз звук возник где-то в глубине леса, и был это не просто хруст веток, а треск деревьев, которые, похоже, что-то без особого напряжения ломало и выворачивало с корнями. Чуть погодя к этому добавился еще и тяжелый размеренный топот – это самое «что-то» ломилось через лес, абсолютно не разбирая дороги с твердым намерением побыстрее добраться до застывших на вершине людей. И судя по тому, как резво это нечто преодолеvalo густые заросли, размерами оно превосходило всю предыдущую нечисть многократно. «Господи, слон это к нам прется, что ли?! С рогами...» – Алексей вдруг поймал себя на том, что абсолютно не жаждет проверять свои гипотезы на практике. Смотреть на это не хотелось абсолютно – слуховых впечатлений хватало с головой.

– Ну, вот и главарь пожаловал, – голос Игоря был совершенно спокоен и собран, слова звучали командами. – Помолимся, братья! Давайте, святой отец!

И над холмом грянул псалом Давида... Пожалуй, впервые в жизни Алексею довелось познать, что это такое – молитвенный экстаз. Заученные наизусть слова молитвы вырывались не из уст, а из самого сердца. Отец Иона, словно бы преобразившийся на глазах, как будто стал выше ростом и шире в плечах, голос его, тихий и робкий в разговоре, превратился в глас, широко разносящийся вокруг, а воздетый в руке простой крест засиял серебряным пламенем – и Алексей готов был поклясться, что это не отблеск луны на металле... В какой-то момент свет этот хлынул от холма во все стороны, выжигая и гоня перед собой тьму, голоса творящих молитву воинов взвились к небесам, и... Огромная злобная тварь застыла на краю леса, будучи

не в силах не то что преодолеть круг света, порожденного верой и мужеством, но даже и ступить в него. Там, где заканчивались заросли, время от времени раздавалось утробное взревание и сполохи серебряного света, разгоравшегося в такие мгновения еще ярче, выхватывали из тьмы фрагменты облика демонического «гостя». То это была громадная чешуйчато-когтистая лапища, то острие рога со свисающими с него какими-то ошметками, то вовсе мерзкого вида щупальца, оснащенные зазубренными когтями. Но как ни билась, как ни тужилась тварь, любые попытки даже прикоснуться к сияющему свету заканчивались одним и тем же – треском и визгом боли, после которого нечистая сущность отшатывалась назад. В какой-то момент, взбесившись окончательно, ринулась вперед всей необъятной тушей – и заверещала так, что стоящим на холме людям показалось, что сейчас у них лопнут барабанные перепонки. А потом – наступила тишина... Демон позорно бежал, посрамленный Божьим словом.

– Вот теперь – точно все... – Игорь произнес это враз севшим голосом, вгоняя в ножны оба клинка, после чего медленно опустился на землю. Алексей вдруг почувствовал, что у него элементарно дрожат ноги, словно он только что пробежал кросс километров так на семь, да еще и под нехилой выкладкой. Сесть плавно, как старший товарищ, он не сумел – хлопнулся наземь мешком. Олег, единственный оставшийся на ногах, с третьей попытки отстегнул с пояса флягу, свинтил пробку и, резко выдохнув, собрался отхлебнуть.

– А ну стоять! Во фляге что?! – Игорь прожег взглядом исподлобья замершего по команде товарища. Видать, бывали прецеденты...

– Бл-и-ин, Игорь! Вода! Чистейшая вода – в колодце около церкви лично набирал! – Олег, страдальчески скривившись, протянул старшему флягу. – На, проверяй!

– Ну, вода – тогда ладно... Вода – это правильно, – попустившийся Игорь сменил гнев на милость и от предложенной личной проверки отказался.

– А вот и нет! – Все братья, как по команде развернулись к отцу Ионе, снова вернувшемуся в образ скромного сельского батюшки и стоявшего перед ними с крепко прижатым к груди молитвенником.

– А вот и нет! – отец Иона, которого, похоже, слегка пошатывало, поднял руку и воздел перст в наставительном жесте. – Как раз именно сейчас вода во фляге – это совершенно неправильно!

Эхо от дружного хохота металось по окрестному лесу еще долго...

Колодезной водой, естественно, в эту сумасшедшую ночь не обошлись. И поскольку в село добрались уже практически под утро, то трапеза, за которую уселись после похода в очень кстати имевшуюся у отца Ионы баньку, была уж точно не ужином – скорее завтраком. Поднятые после положенной молитвы за столом первые стопки пились с самым лучшим на свете тостом: «За победу!» Ехидный Олег, явно будучи большим знатоком и ревнителем питейных традиций, не удержался от шпильки, что вообще-то «проставиться» бы положено «молодому», получившему боевое крещение. Но поскольку идея поиска ранним утром лавки с соответствующим товаром в окрестной глуши была, мягко говоря, неосуществимой, то покусились на запасы отца Ионы. Да, собственно, он и сам настаивал на угощении – на правах хозяина и в порыве самой что ни на есть искренней благодарности к братьям. Оно и понятно – вздумай священник проявить совершенно неуместные в подобных случаях инициативу и «отвагу», попробуй самостоятельно, без «силовой поддержки» разобраться с плохим местом, быть бы беде неминуемо. А так – все живы, да и с победой.

Когда труды и страхи минувшей ночи были должным образом запиты-заедены, пояса, как говорится, распущены и за столом, вместо работы мощных челюстей здоровых мужиков, воцарилась неспешная беседа, пришел черед «подведения итогов».

– Так что ж это получается, – надкусив моченое яблочко, которым так хорошо закусывать водочку, Игорь скривился то ли от кислинки, то ли от посетившей мысли, – плохое место годами-веками вызревало, как нарыв, а те, кто на нем поколдовал, вроде как на курок нажали?

– Ну, по тому и выходит! – отец Иона, заметно преобразившийся за прошедшую ночь, вещал с куда большей уверенностью в своих словах, чем еще буквально день назад, – И, думаю я так, что неспроста сюда те, кто колдовал, заявились... Ну, это уже ваши старшие разбираться будут, – батюшка кивнул в сторону лежащего в стороне надежно упакованного и опечатанного пакета, в котором находились все до единого «вещественные доказательства» творившегося на холме колдовства.

– Но, думаю, криво-косо у них все пошло, оттого сами сбежали, а нам оставили... скажем так, последствия. Ну, уж теперь понятно, что дальше делать. Приедут священники из Братства, обряд проведем по всем правилам, часовенку поставим на том месте, землю освятим – никакая нечисть больше не сунется!

– Так что, нам сюда скоро возвращаться? – услышав воинственные заявления отца Ионы, Алексей, чьи веки от съеденного-выпитого (и от проведенных на ногах совсем не в праздном веселье последних суток) налились тяжеленным свинцом и держались на одной силе воли, оживился. – Ну, обряды проводить, всякое такое... Опять приедем, да?

– Да нет, Леша... Тут уж без нас обойдутся, – расправившийся с яблочком Игорь смотрел на Алексея с улыбкой. – Да я б и сам сюда ездил да ездил... Только у нас – другая дорога. А ты в деле – молодец. Короче – годишься! Брат...

– Неслабую задачку вы мне подкинули, чего уж там, – меряющий шагами комнату отец Михаил остановился и неосознанным жестом взъерошил собственную пышную бороду – наверное, так думалось легче. – По месту отработали отлично, молодцы! А вот над той пакостью, что оттуда привезли, я голову до сих пор ломаю.

Гнусные колдовские атрибуты давно уже постигла вполне предсказуемая участь. После пристального и вдумчивого их изучения «комиссией» в составе все того же отца Михаила и еще двух священников, все они, до последней ниточки и косточки, были сожжены в специально предназначенном для этого месте. Было, как оказалось, в монастыре и такое. Спалили – да не забыли... Вон, батюшка все никак успокоиться не может.

– Так, а что в них такого необычного, в этих штуках, которые мы там откопали? – недоумение Алексея, который и был слушателем монолога главы Братства, было вполне искренним. Ну, ладно, его отец Михаил опрашивал уже битых часа два – но это дело привычное. «Разбор полетов» после каждой серьезной операции – как провальной, так и успешной, практика нормальная и распространенная в той же милиции. Вот и пересказывал Леша все события то так, то эдак – с какого бы боку батюшка не заходил с вопросами. И кто где стоял, и кто что сказал, и что за чем случилось. Но все-таки что ж его так беспокоит?!

– Да не в «штуках», как ты их называешь, дело, – священник подошел к столу и взял тетрадку, в которой, похоже, делал какие-то важные записи в ходе «исследований». – Нестыковка получается в сочетании, так сказать, заложенной основы и полученного результата. Вот в чем загвоздка. Ведь колдовство дело тонкое, можно сказать – точная наука. Тьфу ты, будь оно трижды неладно, – отец Михаил сплюнул и аж скривился.

– Зиждется все это бесовское действо на заклинаниях, заговорах, или как некоторые особо «продвинутые» друзья нечисти говорят, гримуарах. Все это – фактически формулы, требующие совершенно определенных действий, слов и ингредиентов. И чем колдовство сложнее, тем более опасно от этих формул отойти. В лучшем для колдуна случае не получится ничего, а в худшем – «прилетит» по нему же так, что мало не покажется. Ну, окружающим чаще всего тоже – как в вашей, кстати, ситуации. Если сказано в колдовской книге, что для обряда нужны кости летучей мыши, то уж точно амбарная или полевая не сгодится. Прописано шесть свечей

зажечь – значит, не четыре и не семь... А со словами и вовсе сложно – важно не только, что именно говорить, но и как, где при этом находиться, и так далее. Не так сделал – заплатишься!

И ведь отчего так? Оттого, что отец всего колдовства, дьявол, в первую очередь – отец лжи и обмана. И с теми, кто его соблазну поддался, он честной игры не ведет. Так и норовит подловить – на каждой мелочи, на каждой ошибке. Да и сожрать сразу, с потрохами... Вот и получает дурень, решивший с темными силами побаловать, вместо духа нечистого себе в услужение, как мечталось ему, умом убогому, демона, который или башку ему напрочь оторвет, или с ума сведет.

– Это, батюшка, понятно, а вот к нашим делам оно каким боком? – Алексей, которому все сказанное было безумно интересно, не мог взять в толк, к чему же ведет отец Михаил.

– А самым, представь себе, непосредственным! Не складывается, хоть ты плачь. И в том все дело, что если приготовления для обряда, я уверен, делал тот, кто мерзостью этой уже давно занимается и черные знания превзошел на высоком уровне, то сам обряд, похоже, проводить взялся какой-то колдун-недоучка – иначе и не скажешь.

– Это почему же вы так решили?!

– Да потому! Касательно уровня подготовки, ты уж мне, надеюсь, на слово поверишь – я все-таки не в первый раз с подобным делом имею, и не сто первый даже. А что до результата... Обряд-то на призыв демона готовился. И если бы все пошло так, как того призывавший хотел, то вылезла бы прямо на холме, в точности где колдовство творилось тварь, куда, поверь, серьезнее тех, с которыми вы дело имели. И вот тогда уж не знаю – говорили ли бы мы с тобой сейчас... А на деле нечисть из чаши поперла – потому что как раз лесную погань, это место облюбовавшую, колдовство и разбудило, дало силу овеществиться. То есть призвать призвали – на ваши и тех несчастных, что там раньше сгинули, головы, да не того и не так. Вот в чем нестыковка-то! Хотя... есть у меня догадка одна – ты же мне, кстати, ее и подкинул.

– Я?! – Алексей вскинулся – от такого заявления впору и загордиться было.

– Ты, ты, – очень уж красочно слова отца Ионы про историю с девицами, которых местная бабуля хотела от дурного места отвадить, пересказал. И вот думается мне, что эти самые девицы и есть беды виновницы. Сам посуди – о них, когда пропавших разыскивали, речи не шло. То есть – с ними, скорее всего, ничего и не случилось, не тянут они в нашей истории на жертв. А вот на опытную, матерую ведьму, которая сопливую дурочку в эти дела втягивает, учит да наставляет, очень даже похоже. Особенно если учесть бабушкины впечатления от встречи. И вот тогда все как раз складывается. Приехали – «наставница» все, что надо, подготовила, а «ученица» запорола. Они, понятное дело, сбежали, напакостив, а нам расхлебывать досталось.

– И что теперь?

– Что теперь? – отец Михаил застыл в раздумье, словно взвешивая решение. – Да по уму, искать бы их надо. Там, куда вы ездили, мы порядок навели, а дальше отец Иона и сам справится. Но вот где в следующий раз беды ждать? Такой же, или похлеще еще. Ведь такая парочка – они... они как...

– Обезьяны с гранатой?

– Вот-вот, это ты правильно сказал. Только тут, знаешь ли, Алеша, неизвестно – граната у них в лапах или кое-что помощнее. Это, скорее уж, мина замедленного действия – неизвестно когда и как рванет. А главное – насколько сильно. Н-да...

– И как искать будем? – попав, можно сказать, в родную стихию, Леша оживился. – Старушку опросим, приметы установим, фоторобот составим?

– Много мы так найдем, – перечисление испытанных милицейских методов никакого энтузиазма в отце Михаиле не вызвало. – Но должен тебе сказать, есть у меня на сей случай одна зацепка. Могу и ошибаться, конечно, но, бог даст, не ошибаюсь.

В Чернигов выехали с утра пораньше. Так уж сложилось, что в эту поездку отец Михаил взял с собой именно Алексея – как тому хотелось бы верить, не только в качестве водителя. Пока серая лента дороги стелилась под колеса, он внимательно слушал спутника. Благо неспешное движение по четырехрядному шоссе это позволяло.

– Оно как получилось... Позвонил мне близкий товарищ, сослуживец, с той еще, афганской войны. Помощи попросил, как сам сказал, «по моему профилю». Пусть и не за себя лично просил, но между нашими в таких случаях отказывать не принято. Да и вообще – на то ты и священник, чтобы людям помогать. Как уж получается...

Историю товарищ рассказал для наших дней, увы, типичную – у сотрудницы его дочка крепко с пути сбилась. Началось все, как сейчас бывает, с общения в Сети – переписки, форумы, сайты какие-то там специфические. Мать сперва и значения-то особо не придавала – ну, сидит ребенок за компьютером часами, так ведь не пьет же, не колется, не курит даже. Надо было, конечно, уже тогда хотя бы поинтересоваться – с кем и о чем дочь часами разговоры ведет, чем интересуется. Да что там – все задним умом крепки... Вот и мамаша тревогу забила, когда дочка мало того, что изменилась до неузнаваемости, так еще и из дому частенько пропадать начала. Решилась, наконец, когда дочери дома в очередной раз не было, зайти к той в комнату и посмотреть – что за книги на столе, что за рисунки на стенах. К тому же дочка еще и дневник собственный на видном месте оставила, не думала, что мать и туда заглянет. А она заглянула – да ахнула!

Ну, хватило ума понять, что тут не игры сетевые про эльфов с гномами, мечи и магию. Попыталась с дочерью по душам поговорить – да куда там! Та чуть квартиру не разнесла, на мать с кулаками кидалась и пригрозила – еще хоть слово скажешь, хоть раз в комнату нос сунешь, уйду из дому, да так, что в жизни не найдешь! На беду, мужчины в семье не было – без отца мать дите растила. Потому за поддержкой и побежала к товарищу моему, которого в коллективе все уважают, как человека по жизни правильного, хоть и жесткого. А он уже, в свою очередь, мне позвонил: «Так, мол, и так, у девчонки крыша поехала, то ли в сатанизм ударились, то ли во что-то подобное. Помощь нужна бы!» Я, конечно, помочь согласился, да сразу приехать не получилось – такие проблемы навалились, что чуть ли не всем Братством пришлось решать. А когда вырвался, приехал – уже поздно было. Дочка непутевая, как и грозила, исчезла в неизвестном, как говорится, направлении. Я мать как мог утешил, ну и порасспросил, естественно, подробнее. Со слов ее вывод сделал, что влипла девочка скорее не в секту, а как раз в среду тех, кто колдовством занимается. Я женщину, которой и так несладко пришлось, пугать, конечно, не стал, но уже тогда по некоторым оговоркам и признакам показалось мне, что все это куда серьезнее, чем просто дурные игры подростков. Боюсь, что не ошибся я тогда.

– То есть вы думаете, что эта пропажа – одна из тех, кого на берегу видели?

– Очень даже может быть. Оно, смотри – и по времени примерно сходится, да и места примерно те же самые. Близко, во всяком случае. Но даже если не она – хочу еще раз с матерью ее поговорить. Кстати, и ты мне в этом деле поможешь, ты ж у нас сыщик все-таки. При удаче пусть не ее саму найдем, но следы потянутся туда, куда нам надо. А дальше – как Бог даст... Я телефон Веры – так мать зовут, еще тогда взял, надеялся, что дочь вернется-таки. Вчера звонил, она встретиться согласилась. Ждет нас.

Найти нужный адрес оказалось делом несложным. Поднявшись на третий этаж панельного дома, Алексей с отцом Михаилом оказались в маленькой «двушке». Жили тут явно небогато, но везде в квартире царили порядок и чистота. Что сразу бросалось в глаза – так это иконы, висевшие не только в комнате хозяйки, но и в коридоре и кухне. Отец Михаил обратив на них внимание, кивнул одобрительно:

– Квартиру освятили, как я советовал?

– Конечно, батюшка! – женщина сокрушенно всплеснула руками. – Я ведь, дура такая, не сразу вас послушалась! То есть, что освятить надо, решила сразу, но знаете, как оно бывает – то сама не своя была, когда Маша пропала, потом все руки не доходили, замоталась совсем. Только после пожалела крепко об этом...

– Что так?

– Да такого страху натерпелась, что и сейчас вспоминать жутко и рассказывать не хочется. Но вам нужно рассказать, наверное... Короче, я ведь, как дочь из дому ушла, ночами очень плохо спала – и нервы на взводе, и все, знаете, прислушивалась: вдруг дверь откроется, она войдет. «Прости, – скажет, – мама, я вернулась».

Вера прервалась, чтобы утереть хлынувшие внезапно слезы и успокоиться, а потом, взяв себя в руки, продолжила:

– И вот лежу я как-то, сплю – не сплю, а так – дремлю вполглаза. Умом-то понимаю, конечно, что вряд ли вернется она, но все-таки... И точно – слышу шаги по дому! Дверь хлопнула, да сильно так! Но только почему-то не входная дверь, а в Машину комнатку. А шаги, по коридору – к моей комнате, все ближе и ближе. Но и шаги вроде как не дочкины, а такие, знаете, тяжелые... Мне бы вскочить, в коридор выглянуть, а я прямо застыла вся! И если сперва мысль была, что это она вернулась, радость, то потом вдруг такой страх охватил – не то что с кровати встать, пальцем пошевелить не могу. И зажмурилась – крепко-крепко. Верите, никогда в жизни так не боялась!

– И дальше что было?

– А дальше меня что-то словно изнутри толкнуло – молись, глупая! Я и давай молиться – как вы меня еще тогда, при первой встрече научили. И, знаете, вроде бы на память ничего и не заучивала, а так славно все получалось, словно помогал мне кто-то, словно подсказывал!

– Ангел-хранитель вас, Вера не оставляет, – отец Михаил усмехнулся одобрительно, – молитва-то помогла, как я понимаю? Пропали «гости»?

– Помогло, да не сразу... В комнату ко мне никто не вошел, но вот что по всему дому творилось – как вспомню, так волосы дыбом! Грохот, стук, двери хлопают, мебель скрипит. Потом слышу – упало что-то, разбилось... Как будто бесился там кто-то...

– Именно что бесился, это вы верно угадали. Бесы, они, знаете, на то и бесы...

– Ой, батюшка, – глаза у хозяйки стали круглыми, – так это ко мне, значит, черти, что ли, являлись?!

– Да уж точно не дух святой!

– Господи, помилуй, – бедная женщина спешно перекрестилась и продолжила рассказ: – Ну, вот, значит, пока в доме хлопало да топало, я в кровати лежала, как мышка, двинуться боялась. Потом, как все стихло, встала, лампадку перед иконой зажгла и дальше молилась – до утра уже, из комнаты выходить боялась. А утром вышла – смотрю, мебель вся передвинута, одежду с вешалок словно посрывал кто-то, посуда побитая в кухне на полу. А в коридоре фотография висела, я любила ее очень – там мы с Машей вдвоем. Так и ее словно бы кто-то со стены сорвал и об пол со всей силы ударил. Все стекло в рамочке разлетелось... Ну, я в доме прибралась кое-как, на работу позвонила, отпросилась – и бегом в ближайшую церковь, к батюшке, чтоб квартиру освятил. Я ему сразу, конечно, всего не рассказывала, но он, видно, сам почувствовал – собрался быстро, пришел, все сделал, как надо. Я теперь к нему все время хожу – и на службы, и на причастие.

– Это правильно, Вера. Это очень хорошо. А дочери комнату тоже освятили?

– Конечно! Ее – первую! Рисунки и плакаты все эти гадкие я там со стен еще раньше содрала...

– А, скажите, записей каких-нибудь, тетрадок или чего-то такого – не осталось?

– Оставались... Но только я их, отец Михаил, сразу же после той ночи все из дому вынесла и на стройке, чтоб никто не видел, сожгла!

– Это жаль... – священник не мог скрыть разочарования, – то есть, то что сожгли, это как раз правильно, но лучше бы они к нам в руки попали. Мало ли – может, что-то бы нашли там... Я в первый раз, как приезжал, не додумался спросить, а теперь что уж...

– Так я же не знала!

– Да ладно, никто и не винит вас. А что в доме это не оставили – так оно точно к лучшему.

– А компьютер ваша дочь оставила? – Алексей решил, что пришло его время присоединиться к разговору

– Да как вам сказать... У нее в последнее время новый появился, маленький такой, ноутбук. Дорогой, наверное! И откуда деньги взяла?! Вот его она с собой забрала, это точно. А старенький, которые мы давно еще покупали, в кредит, тот дома стоит, никуда не делся.

– Взглянуть можно?

– Ой, да пожалуйста!

Запустив без труда простенький домашний комп, Алексей очень быстро пожалел, что все-таки не принадлежит к нынешнему поколению молодых да ранних компьютерных гениев. На уровне пользователя он, конечно, был достаточно продвинутым – но не более того. А вот тот, кто поработал над «чисткой» машины, за монитором которой он сейчас сидел, похоже, владел предметом куда лучше. Девственная чистота! Ни почты, как принятой, так и отправленной, ни истории «хождения» по Сети, ни каких-либо интересных текстовых файлов. Соединение с Интернетом тоже, кстати, отсутствовало – наверняка по причине давно просроченной оплаты услуг оператора.

Ладно, попробуем мыслить логически. Самое свежее – и в плане контактов и в плане информации все равно должно быть на «ноуте», который пребывает вне пределов досягаемости вместе с хозяйкой. Но ведь первые-то шаги по кривой дорожке девчонка явно делала, сидя за вот этим, старым компом! Что ж делать? Сыщицкий опыт, которого Леше было не занимать, однозначно гласил: ничего бесследно не исчезает! И тут его осенило... Ну, не то чтоб явилось какое-то совсем уж гениальное откровение, а просто всплыл в памяти один кадр из бывших коллег, с которым несколько раз пересекались на почве «раскрутки» особо заковыристых дел. Вот тот точно был асом компьютерного дела, хоть и практически чистым самоучкой. Помнится, как-то за рюмкой (чая, естественно!) хвалился этот чудак, что может восстановить на компьютере чуть ли не любую информацию – лишь бы только комп не горел, не тонул и жесткий диск в нем не форматировали. Ну, следов внешних повреждений, возгорания и утопления точно нет, бог даст и с остальным повезет. Алексей полез в карман за складным швейцарским ножиком и высунулся в коридор:

– Хозяйшкa! А можно я компьютер для хорошего дела раскурочу немножечко?

– Для хорошего – делайте, что нужно. Мне-то он вообще без надобности...

«Добычей» от поездки стал жесткий диск Машиного компьютера, аккуратно свинченный и упакованный Алексеем в предоставленную для этого коробку, определенный набор мелких, но полезных сведений, вроде паспортных данных, последнего известного мобильного номера беглянки и нескольких ее фотографий. Таковых, кстати в доме практически и не осталось, Вера едва ли не последние отдала. Такое впечатление, что девушка с определенного момента, кстати, отказывавшаяся фотографироваться наотрез, перед исчезновением провела натуральную «охоту» на собственные снимки с последующим их уничтожением. Что, по Лешиному мнению, было достаточно странным – обычно в объектив неудержимо лезут все особы женского пола, вплоть до тех, которым фотографироваться лучше бы исключительно в парандже. А здесь – молоденькая девушка, с внешними данными куда повыше средних (на вкус Алексея, по крайней мере), и такая нелюбовь к собственным изображениям! Поскольку мысль эту он высказал вслух, то половину обратной дороги отцу Михаилу пришлось проводить разь-

яснительную работу и читать подробную лекцию о том, что именно могут сотворить те, на кого они сейчас охотятся, используя как раз фотоснимок. От полученной информации Леша, как говорят подростки, «тихо прозревал»...

Сидя за столом в собственной квартире, Алексей задумчиво вертел в руках мобильный. Поездка в Чернигов вызвала настоятельную необходимость «пересечься» с бывшими коллегами. Встречаться не то чтоб не хотелось – просто перспектива эта не вызвала восторга. Как-то уж так сложилось, что очень близкими друзьями в милиции за все время службы он так и не обзавелся. С одной стороны, сыщичье сообщество и так было своеобразным братством, где каждый мог рассчитывать на каждого практически в любой, даже самой сложной ситуации. С другой – очень уж быстро даже в своей среде Леша стал эдаким «одиноким волком», приятельских и товарищеских отношений не чурающимся, но в душу к себе никого не допускающим. Может, поэтому после увольнения его особо и не «доставали» звонками. Ну, интересовались, так, время от времени: «Ты как, старик? Держишься? Да подожди, может еще попустятся...» и так далее. При этом, понятное дело, в «попустятся» никто не верил, да и искреннего интереса к судьбе «старика» девять из десяти звонивших не испытывали. Что поделаешь – такие времена, такие люди. Вот разве что Женька – один из сослуживцев, с которым Леша в последние годы сдружился достаточно крепко. По правде говоря – в первую очередь, на почве совместного раздолбайства. Ну, вы понимаете... Хотя, безусловно, в промежутках между кобелиными рейдами и истреблением спиртных напитков, с Женей еще и было о чем поговорить. Парень был изрядным циником, но отнюдь не дураком. Да и в отличие от иных прочих, не ограничился «дежурными» звонками с выражением сочувствия, а регулярно навещался в Лешину берлогу, не стесняясь при этом в глаза говорить, что она все больше становится похожа на алкашеский притон. И если первых пару раз, разделив выпивку с хозяином, добросовестно упивался в хлам, то в последний приезд пить наотрез отказался и даже орал по этому поводу на Леху матерно. На этой почве и поругались. Правда, потом выходил на связь еще пару раз, интересовался душевно: «Ты не сдох там от водки еще?» Ну, значит, решено – ему и буду звонить...

– Оп-па, менты! – раздавшийся из-за спины голос, которым было выкрикнуто принятое у них с давних времен шутивное приветствие, никому кроме Женьки принадлежать не мог. Алексей неторопливо обернулся к нарисовавшемуся у столика летнего кафе, где была «забита стрелка», сослуживцу:

– Бывшие менты, Жека, бывшие! Садиться не предлагаю, но присаживайся.

– Разрешите исполнять? – прячущий за обычным дурачеством радость встречи Женя плюхнулся на стул и тут же протянул, изображая на роже крайнюю степень удивления и тыкая пальцем в дымящуюся перед Алексеем чашку чая: – У-у-у, а че это мы такое пьем? Не, дядя, ну так уже резко соскакивать нельзя! Я, вообще, думал, мы с тобой граммов по стописят за встречу дернем. Или пивком сначала разомнемся?

– Пивком? – Леша изобразил глубокое раздумье. – Не-а, с пивком не получится – за рулем я. А насчет чего покрепче в жару да посреди дня – вообще облом.

– Та-а-ак... – Женька, похоже, уже не дурачился, а заволновался всерьез. – Так это что, правда, что про тебя трепали – в монастырь, мол, подался?!

– Да нет, Жень, никуда я не «подался», и монахом не стал, – Алексей улыбнулся, понимая, что для знавшего его в оперовские годы человека контраст и вправду слишком резок. – И выпить вполне могу, особенно с другом, но только не сейчас и не здесь. Говорю ж – руль мешает, да и охоты нет, по правде говоря.

– Ну, нет – так нет... Хотя раньше всегда была, – Женька поуспокоился и тут же перешел к вопросу, неминуемому из уст любого нормального мужика: – Машина-то своя?

– Да как сказать. Вроде как служебная, но в личном пользовании, – предупреждая следующий вопрос Алексей тут же уточнил: – «Крузак» восьмидесятый. Старенькая, но ходит ого-го!

– Не, ну старенькая – зато джип настоящий, без понтов! Круто, старик! Значит, устроился все-таки нормально?

– Не жалуюсь. Можно сказать, частная охранно-детективная деятельность. И... да, к церкви отношение имеет. Зарплата не роскошная, но на жизнь хватает. Чего еще рассказать?

– Пон-я-я-атно... – Женька, стервец, откинувшись на спинку стула, смачно закурил, пустив струю дыма вверх и явно наблюдая за реакцией Леша на это. Впрочем, тут же представился случай получше – заметив нового посетителя, около столика возникла фигуристая официантка, и Женины глаза немедленно прилипли к более чем смелому вырезу ее блузки.

– Вот это... глаза! А, Леха? Как тебе? – Жека, устраивая уже явную провокацию, устался на собеседника.

– Ничего девочка, симпатичная. А мне – никак... – откровенные щенячьи потуги приятеля немало забавляли Алексея. Зная Женькин характер, он просто ждал, когда тот выдохнется.

– Слушай, а тебе чего, запрещают – ну, там, курить, бухать... и такое всякое? – наклонившийся вперед Женька был весь внимание и участие к суровой доле товарища.

– Да нет, Жень, не запрещает никто. Просто... Не надо оно мне. Как оказалось – реально не надо. Курить я действительно бросил с концами, а по поводу выпить или общения с девчонками – да без проблем. Просто по-другому...

– То есть как это – по-другому!?

– Да относиться я сам стал по-другому к этому. И еще ко многим вещам в жизни... Ладно – чего все про меня? Рассказывай – как там, в милиции вообще и в родном коллективе в частности?

– А как всегда – круглое носим, квадратное перекатываем. Народ дичает, маразм крепчает. Начальство нас за раскрываемость дрючит, а само за нее звезды получает. Все грозятся нас реформировать окончательно – до последнего мента, наверное. Все реформируют, деформируют – когда ж работать дадут?! Министр в очередной раз поменялся – и все те же разговоры: усилим, улучшим, сделаем, как в Европе, ла-ла-ла да бла-бла-бла. Лучше б зарплаты нормально повысили да идиотских законов принимали поменьше – а то скоро жулика только с его личного письменного согласия «закрыть» можно будет. А иначе – ни-ни, а то правозащитники заключут и прочая прогрессивная общественность.

– Короче, все как всегда и ничего не меняется

– А с чего ему меняться? Да и, знаешь, много ты в нашей конторе перемен к лучшему видал?

– И то верно... А я ведь, Жека, к тебе как раз по работе, можно сказать, просьбу имею. У нас там этот... как его, вылетело... ну, рыжий такой, гений компьютерный, работает у техников еще?

– Работает, как ни странно, не делся никуда. У парня вроде с мозгами все в порядке, с теми чудесами, что он с нашим полумертвым «железом» творит, давно бы уже на «гражданке» мог бы куда покруче устроиться, так нет же – в ментовке торчит. А чего тебе надо от него?

– И от него надо, и от тебя. Вот, смотри – фотка и данные. «Пробить» бы...

– У-у-у... Красивая! – Женька не был бы собой, если б этот комментарий не прозвучал первым. – А чего «пробивать»-то? Натворила что?

– Да нет, не натворила. Просто из дому ушла, а мать с ума сходит. Узнать надо – может, где «засветилась», Да хотя бы местонахождения выяснить попытаться.

– Тяжело будет – без официальных бумаг. Ну, заявки там, то да се... Мать в розыск подавала?

– Да не подавала вроде, как и оснований нет. Девочка совершеннолетняя. Уехала – и уехала. Но есть основания думать, что с плохими она людьми связалась.

– Даже так? Что – панель-бордель?

– Нет, Жека, тут другое. Это, скорее, ко всяким сектам ближе. Ну, типа как «Белое братство». Слыхал про такое?

– Слыхал, как же, «деды» такого рассказывали – аж жуть берет. Прямо зомби каких-то из людей делали!

– Ну и тут что-то в таком же духе может быть, вот мать и волнуется.

– Ладно, попробуем на личных контактах – по старой дружбе. Особо, конечно, ничего обещать не буду, но, как говорится, все, что могу лично... А от Рыжего тебе чего надо?

– А вот тут у меня жесткий диск с компа этой красавицы, так надо на нем, по возможности, информацию восстановить. Прежде всего – что касается лазания по Интернету, форумов там всяких, общалок и прочего. Почту опять же. Да и текстовые файлы все, какие получится. Тут все подчищено, но, как я помню, он что-то такое может, сам говорил.

– Ну, если кто и может, то, наверное, он. Только это быстро точно не будет. Да и на пиво ты попадешь конкретно. Аппетиты его помнишь?

– Да помню, конечно. И куда столько влазит в такого худого да шклявого?!

– Загадка века, Леха, загадка века...

Дальнейший разговор плавно перетек в обсуждение общих знакомых – коллег по службе и вечное, как мир, «а помнишь?!». «Деловая часть» беседы была успешно завершена, и двое мужчин, прихлебывая, один давно остывший чай, другой – быстро ставшее теплым пиво, могли, перебивая один другого, вспоминать. Благо было что – от совместных загулов до тех лихих дел, в которых опять-таки вместе приходилось подставлять головы под пули и прочие неприятности. Из благодушного и чуть ли не сентиментального настроения Алексея вырвали раздавшиеся неподалеку неприлично громкие и крайне неприятные по тембру звуки.

Рядом кто-то орал. Вроде бы мужик. Впрочем, с уверенностью сказать было трудно – звучащие на повышенных тонах слова, большую часть которых составляла отборная нецензурщина, выкрикивались то вроде бы совершенно нормальным голосом, то грубым басом. А в следующее мгновение говоривший вдруг срывался на высокий, чуть ли не истерический визг. Сидя к источнику раздражения спиной, можно было вообразить, что между собой ругаются несколько человек. Но развернувшись, Алексей совершенно точно понял, что всю матерную какофонию издает всего один из посетителей кафе – невзрачный мужичок, описание внешних данных которого вполне уложилось бы в одно слово: «плюгавый». Он, прицепившись к чему-то, отчаянно «строил» производшую такое яркое впечатление на Женю официанточку, при этом абсолютно не стесняясь в выражениях.

Подобных типов Алексей не терпел никогда. И не только в те времена, когда милицейская «ксива» вкупе с идиотским довеском в виде совести обязывала пресекать безобразия независимо от нахождения на службе или вне ее. Просто он считал, что потакание подобному быдлу – первый шаг к превращению в тупое, трусливое и равнодушное быдло уже тебя самого. Ну, а уж если в роли обижаемого и потерпевшего субъекта выступала (как в данном конкретном случае) хорошенькая девушка – то решение выступить в роли защитника сулило массу приятнейших бонусов. Хотя... Стоит ли влазить именно сейчас – еще вопрос. Несмотря на чмошный внешний вид, скандальный мужичонка может считать себя невероятно крутым, и тогда его придется успокаивать «мерами физического воздействия». Проще говоря – дать в морду. С процессом проблем нет. А с последствиями? Милицейский статус, дававший неоспоримое преимущество в подобных случаях, давно тью-тью... Ладно, если что – Женька «впишется» и подстрахует. У него к таким «красавцам» отношение совершенно аналогичное – это Леша знал наверняка.

Вставая с самым решительным видом со стула и делая первый шаг к продолжающему вопить субъекту, Леша вдруг почувствовал странное беспокойство. Развалившийся за столиком хмырь... в действительности не был тем, кем казался! И речь вовсе не о том, что под видом хляка скрывался суперагент, способный пачками вязать в узел джеймсбондов. Нет – пристально, в упор глянув на предполагаемого противника, Леша ощутил что-то вроде легкого головокружения, когда зрение слегка «плывет», расфокусировавшись. И в эти мгновения лицо и тело скандалиста местами как будто подернулись маревом. Какие-то его черты при этом уродливо съежились, какие-то, наоборот, карикатурно растянулись. Видок, по правде говоря, был довольно жуткий – то ли человек пытался натянуть на себя нечеловеческую личину, то ли напротив – что-то внутри него мяло и коржило человеческий образ, словно натянутую не по размеру маску.

«Так вот оно что!» – Алексея осенило, спасибо углубленным и конкретным «теоретическим занятиям» со священниками, на которых он, как мог, старался вникать в то, что ему рассказывали. Тема одержимости бесами была в числе основных рассматриваемых, поэтому вряд ли он ошибался. Уж больно ярко проявлялись классические признаки – неконтролируемая агрессия, сквернословие, смена голоса. Ну, и то, что он видел собственными глазами. Кстати, похоже, что ничего подобного не заметил никто из посетителей кафе, кроме него самого. Ну, оно и к лучшему – не хватало еще разбегающейся во все стороны в панике вопящей от ужаса толпы.

Первоначальный замысел нужно было срочно корректировать. Подойти к бесноватому и призвать к порядку? Да уж, план – глупее не придумаешь. Это неминуемо приведет только к одному – новой, еще более яркой вспышке агрессии и скандалу. Идти с ним в рукопашную тоже не вариант. Во-первых, человеческое тело в данном случае – не более чем вместилище, и наносить ему повреждения без крайней на то необходимости в то время, как истинный его хозяин, скорее всего, «в отключке», как минимум несправедливо. Ну, а во-вторых... Доподлинно известны случаи, когда одержимые (в особенности те, в кого вселился не один нечистый дух, а несколько) не только раскидывали, как пластмассовые кегли, мужиков куда поздоровее Алексея, а рвали железные цепи, как гнилые нитки. Так что спарринг чреват весьма непредсказуемым исходом. Впрочем, это и ни к чему. Сделаем по-другому, вспомнив то, чему учили...

Подходя вплотную к столику скандалиста, Алексей расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. С недавних пор вместе с нательным крестом он носил на груди ладанку с частицей святых мощей. Такими ладанками, обладавшими способностью распугивать нечисть, священники оснащали всех воинов Братства, по каким-то им одним ведомым признакам решая, кому какую давать. Алексей получил свою перед выездом на первое «боевое задание», да так и не снимал с тех пор. Что там говорил отец Дмитрий о воздействии святых реликвий на нечистых духов? Сейчас проверим на практике.

Подойдя вплотную к одержимому Алексей понял – его заметили. Или, скорей – почувяли... Мужичок, к которому он шел, резко, всем корпусом развернулся на стуле и вперился в подошедшего совершенно безумным взглядом. Алексей мог бы поклясться, что на несколько секунд при этом цвет уставившихся на него глаз изменился – с нормального светло-карего на ядовито-желтый. Даже форма зрачка вроде бы стала другой. Окончательно убедившись в том, кто именно неожиданно возник перед ним, одержимый отшатнулся так, что казалось – сейчас переломится тоненькая шея, и издал шипение, сделавшее бы честь удаву-переростку. А уже в следующую секунду... вдруг оглушительно залаял!

Эти дикие, совершенно невообразимые в людном месте города посреди бела дня звуки не могли не привлечь внимание всех без исключения посетителей кафе, которых к тому моменту набилось под тенты летней площадки немало. Даже те, кто только что с абсолютным равноду-

шием отворачивался от матерящегося мужика, немедленно уставились на него же – шипящего и гавкающего. «Вот только этого мне не хватало!» – Алексей с ходу понял, что разворачивающееся бесплатное представление надо прекращать немедленно и самым решительным способом. А потому – нагнулся к беснующемуся так, что ладанка едва не припечатала ему по лбу и резко выдохнул короткое: «Изыди!»

Понятно, что изгнать беса из тела несчастного он не мог бы при самом горячем желании – такое под силу только священнику, да к тому же еще и далеко не каждому. Но вот заставить покинуть немедленно данное конкретное место – это вполне... Едва не соприкоснувшись со священной реликвией, одержимый вскочил на ноги и, вопя во всю глотку: «А-а-а! Больно, больно! Жжет!» – кинулся бежать не разбирая дороги. И, кстати говоря, люди куда более солидной комплекции, чем он, и вправду разлетались с его пути задеты даже вскользь. Спустя несколько мгновений спина несчастного скрылась в толпе.

Шагая к своему столику, Алексей прямо-таки физически ощущал на себе взгляды посетителей. В основном – заинтересованные, с оттенком страха и осуждения, но были и поощрительные. В конце концов своим «звуковым сопровождением» сбежавший портит отдых всем. Нашелся кто-то, кто это прекратил? Замечательно. Вот только и рядом с ним сидеть как-то... того... некомфортно... Общий эмоциональный фон был примерно таким. Похоже, нужно срочно рассчитываться и валить отсюда подальше. Да уж, выступил... Именно так думал Алексей, присаживаясь к столу, пряча поглубже ладанку и застегивая рубаху.

Женька за все это время не успел даже «добить» свое пиво и сейчас смотрел на товарища так, словно впервые в жизни его увидел.

– Ты чего ему сделал, а? Вроде ж даже пальцем не тронул, а этот орал, как потерпевший, на всю улицу! – удивлению в Женькином голосе не было предела.

– Я?! Да ничего я ему не делал! Так... уйти попросил. А что орал... Сумасшедший, наверное, – Леша смотрел в глаза другу абсолютно честным взглядом.

– А-а-а... Ну да, ну да. Попросил... А что это ты такое из-под рубашки достал, а потом спрятал быстренько? По-моему, как раз от этого самого мужик и шарахнулся, как черт от ладана? – наблюдательности и догадливости Жене было не занимать никогда. И, главное, попал, что называется, в самую точку, сам того не зная.

– Что надо, то и достал, – это Алексей буркнул, роясь в бумажнике, чтобы уже расплатиться наконец и покинуть кафе, в котором после всего случившегося чувствовал себя более чем неудобно, – потом расскажу как-нибудь. Честно, расскажу – но потом!

– Потом так потом! – Женька как-то неожиданно легко согласился со сказанным, кинул на столик мятую купюру и лучезарно улыбнулся Алексею. – А знаешь, старик, – надо нам все-таки почаще встречаться! Очень уж стало с тобой... интересно!

– Все собрались? Ну, слава Богу, – отец Михаил обвел взором трапезную монастыря, в которой сегодня яблоку негде было упасть. Места у широкого стола, стоящего на возвышении, под иконами, занимали священники. Братья располагались, кто где успел – большая часть расселась на лавках за столами в «общем зале». Пара группок поменьше явно припозднилась и вынуждена была «подпирать стены» – судя по изгвазданной и пыльной черной «полевой» форме на них, этих «выдернули» прямо с тренировочных площадок. Кто-то попивал морс или квас, кувшины с которыми были выставлены на столы заблаговременно, кто-то вполголоса переговаривался, кто-то сидел, думая о своем. Из дальнего угла время от времени раздавался полупридушенный смех – среди братьев хватало истинных мастеров «травить» байки...

Как только отец Михаил заговорил, все моментально стихли и обернулись к главе Братства, готовые слушать со всем вниманием. Для подавляющего большинства собравшихся про-

исходившее было событием достаточно рядовым, но для Алексея – внове. На подобный общий сбор он попал впервые.

– Многая и благая лета всем вам, братие, – священник начал речь с привычного приветствия, на которое собравшиеся ответили нестройным басовитым гулом мужских голосов.

– Поздравляю всех вас с грядущим праздником – Рождеством честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. И напоминаю, что предшествует этому дню другой – трудный для нас и важный. Вернее, не день, а ночь. Кто уже долгие годы служит Господу в Братстве, тот знает, что такое Купальская ночь, а для тех, кто не знает, скажу: в эту ночь всякая нечисть крепнет, наглеет, рвется в мир. Рвется, уж понятное дело, не затем, чтобы людей облагодетельствовать, а чтобы навредить, напакостить, одурманить. Более всего усердствуют пособники нечистого среди людей – колдуны и ведьмы. Купальская ночь у них особо для творения зла предназначена. Ну, и люди, что правду скрывать, именно в эту ночь нечистым делам потворствуют – там, где нет крепких пастырей, где узы веры ослабли, пускаются во все тяжкие. Блуд творят, бесовские игрища, ворожат, гадают, лезут в леса да буераки – кто за цветком папоротника, кто просто за «травками колдовскими». И хорошо если эти «искатели» только физиономии порасцарапывают да ноги об коряги пооббивают. Чем дальше, тем куда похуже с ними вещи случаются... Ну, и разные другие непотребства творятся.

В общем, бдить в эту ночь нам надлежит особо. Понятно, что везде не поспеть, всего не «перекрыть». Потому формируем мобильные группы и распределяемся по тем местам, откуда в последнее время были «сигналы» о разных странностях, бесовщиной отдающих, или, тем более, о прямой активизации нечистого племени. К слову сказать, в этом году таких печальных вестей особо много. Так что – укрепиться духом, вооружиться Святым Честным Крестом и молитвой... Ну, и об остальном не забыть, конечно. И быть готовыми ко всему!

Да... И вот еще что... Вы по большей части люди мирские, обетов не принимали. Мужики, слава тебе, Господи, здоровые, и естество мужское своего требует. Вот только упаси вас Бог от повторения того, что в прошлую Купальскую ночь кое с кем приключилось! Сраму набрались – по сей день вспомнить противно.

– Это вы о чем, святой отец? – вопрос «из зала» был задан тоном более чем заинтересованным.

– О том, о том, голуби мои, агнцы кроткие... Ваньку-то не валяйте, не включайте дурня. Можно подумать, хоть один из вас об этой срамной истории – да не знает! Ни в жизнь не поверю! – отец Михаил от души погрозил собравшимся пальцем. – Ну, а уж коли пришла охота, так напомним. Что, брат Сидор, голову-то повесил?! И ты, Витюшенька, глазоньки-то не прячь! Кто год назад табун голых девок по лесу гонял? Кого потом пришлось из райотдела забирать с позором, расписки писать в том, что вы не извращенцы?! Что ежегодное выездное собрание женского нудистского клуба «Купальница» сорвали исключительно по недомыслию и сиволапости? Чуть ли не дурачками деревенскими, с которых и спросу-то нет, вас выставять?! Ась?! Что молчите?

– Ну-у-у... Ты-ы-к мы, батюшка, ошиблись... подумали, что они... ну-у... эти... – здоровенный бугай, с кулаками побольше Лешинной головы, названный ранее отцом Михаилом «брат Сидор», возвышаясь над столом, похоже, под землю был готов провалиться от смущения. Судя по всему, за историю, озвученную сейчас в трапезной, отдуваться ему приходилось далеко не в первый раз.

– О чем ты там думал, какие тебя, понимаешь, мысли обуревали, когда ты их, прости Господи, задницы голые из-за кустов разглядывал – то ты духовнику своему на исповеди рассказывай. Если он слушать не побрезгует... А мне кончай голову дурить, что за русалок или иную нечисть их принял, хватит уже! Был бы еще по первому году в Братстве, так я бы, может, и поверил, что ты по неопытности самых обычных баб дурных с водяницами или ведьмами на шабаше перепутал.

– Так они ж это... вырядились... плясали там, – брат Сидор из последних сил пытался что-то возражать.

– Вырядились?! Ну, если верить милицейскому протоколу, который мне лично читать пришлось, а я ему верю в данном случае, то одеты они были максимум в венки на головах, да и то не все! Плясали, говоришь?! Вот именно! Машин их, из которых музыка орала, ты, стало быть, не заметил?

– Так машины с другой стороны стояли! Я их увидел... потом...

– Ну да, увидел! И выводов не сделал?! Мне, конечно, самому иногда, когда за рулем еду, так и хочется кое-кого на «Лексусах» или «Кайенах» святой водой покропить – за те вещи, что они на дорогах творят. Но чтоб нечисть лесная или речная на джипах каталась – то виданное дело? Ну, ладно – крестов на них не было... Так это сегодня сплошь и рядом, увы. А если и было подозрение, что ведьмы, так что, забыл, какие молитвы прочитать, чтоб сущность их проявилась? Отшибло память-то, понимаю... Так глаза прикрыть надо было – и помолиться!

– Да понял я, батюшка, не сразу, конечно, что никакая это не нечисть, – брат Сидор, почувствовав полную бесполезность дальнейших запирательств, решил, что ничего кроме чистосердечного раскаяния его от дальнейшего «разноса» не спасет.

– Так чего ж ты тогда все равно за этими дурехами визжащими по лесу бегал?!

– Успокоить хотел...

Вся трапезная дружно грохнула хохотом, от которого чуть не рухнули потолочные балки.

– Успокоить!? Ну да – такой, как ты, в лесу да ночью успокоит, пожалуй. Навечно... Слава богу, ума хоть хватило оружия не доставать. А то лепили бы из вас в протоколах не вуайеристов, а маньяков-потрошителей. Чего уж лучше...

Отец Михаил, умаявшись говорить, взял паузу и потянулся за кружкой с морсом. Тем отчетливей в наступившей тишине прозвучал шепот на галерке:

– «Вуайеристы»... Ух ты, какие слова батюшка знает!

Со слухом у отца Михаила все было в порядке, так что к комментатору он развернулся моментально:

– Знаю, представьте себе! Я вообще много чего знаю, того, чего и не хотелось бы вовсе. Приходится – когда с такими вот охламонами дело имеешь! А знаете ли вы, каких трудов стоит каждый раз вас выпутывать из историй, в которые вы вляпываться умудряетесь?! Да, есть люди, которым о нас и нашем служении известно – и в милиции, и в других структурах... Иначе – никак. Уж больно много шуму от некоторых наших дел бывает, много следов ненужных остается, которые как-то объяснять надо. Да только мало их очень, этих посвященных. И одно дело беспокоить их, когда это действительно нужно, а другое дело – по таким вот случаям. Так что думайте... головой желательно – дабы не усложнять жизнь сверх необходимого. Себе – и прочим. В общем, нечего тут дальше разговоры разговаривать. Подходите по очереди к отцу Марку – у него списки, кто в каких группах. И – с благословением Божиим по местам, какое кому достанется.

Есть свое очарование в маленьких городках, даже, скорее, местечках – уровня райцентра и поменьше. Тихо, зелено, не лезет в глаза назойливая реклама во всех своих самых дурацких видах, не слепят вывески магазинов, в которых собрана тысяча и одна вещь, без которых человек прекрасно может обойтись всю свою жизнь. А воздух, воздух! Это ведь не та угарная смесь, которую вынуждены ежедневно вдыхать жители мегаполисов, состоящая на девяносто процентов из продуктов отработанного в десятках и сотнях тысяч автомобильных двигателей топлива, а на остальные десять – из чего-то такого, о чем лучше и вовсе не знать. Шагая по нешироким улицам отходящего ко сну городка, Алексей с удовольствием ловил запахи цветов из многочисленных палисадников, разогревшейся за день на солнце древесной листвы и еще чего-то неопределимого, но щемяще напоминающего о детском лете в деревне. Улицы

пустели, светящихся окон и громких звуков вокруг становилось все меньше. Правда, откуда-то еще доносились голоса явно «хорошо сидящей» компании, где-то еле уловимо звучала музыка – причем не привычный в городе «долбеж по мозгам», а что-то и вправду мелодичное. Из какого-то двора слышен был еще даже смех детишек, загулявших по поводу кажущихся в эту пору бесконечными каникул.

В городок они приехали под вечер вчетвером. Оставив машину на стоянке в центре, разбились на «двойки» и отправились в «пешее патрулирование». Леше в напарники – старшие, естественно – достался брат Сергей, немолодой уже мужчина, ближе к «полтиннику», не утративший, несмотря на возраст, ни спортивной подтянутости, ни явно сквозившей время от времени в повадках армейской выправки. Человеком Сергей был немногословным, что, в общем, Лешу вполне устраивало. Чесать языком в этот умиротворяющий летний вечер как-то и не тянуло. Хотелось наслаждаться покоем и тишиной, не забывая при этом, конечно, внимательно осматривать окрестности на предмет любых вещей, могущих вызвать у братьев интерес или подозрение.

Городок для контроля был выбран, конечно, не случайно. Даром, что заштатный, церковей в нем насчитывалось целых четыре и настоятели двух из них, имевшие с Братством контакты, жаловались, что периодически сталкиваются с проявлениями, которые вполне «тянули» на колдовские проделки. Хватало среди прихожан людей достаточно разумных и воцерковленных, шедших с «внезапно возникшими» в их жизни странными проблемами не к экстрасенсам, а куда положено. То есть в церковь. Только вот что-то зачастили в последнее время такие страждущие... Особенно же коснулось это одного из приходов, по территории которого сейчас братья, собственно, и «накручивали круги».

Конечно, надеяться на то, что даже в такую колдовскую ночь, как купальская, пособник (или пособница) врага рода человеческого выскочит на улицу и про явит себя ритуальной пляской прямо посреди площади или шнырянием верхом на метле на глазах у обалдевших от такого зрелища горожан, было бы, мягко говоря, наивно. Однако, как не раз говаривал тот же отец Михаил – на все есть промысел Божий, на все свое время и свое место. И раз уж выпало им находиться здесь и сейчас, то, значит, шансы «пересечься» со все больше наглеющими колдуном или колдуньей есть. Надо только их не упустить.

Метнувшаяся через дорогу чуть ли не под ногами тень моментально заставила Алексея сбросить с себя блаженную «расслабуху». Что это еще такое?! Рука на автомате дернулась к спрятанному в потайных ножнах клинку. Но пальцы, стиснувшие рукоять, сразу разжались – разглядев, кто это тут бегаёт, Алексей облегченно выдохнул. Из закутка, образованного двумя сходящимися под углом заборчиками, на него уставилась самая обыкновенная собака. Ну, может, не совсем обыкновенная – масть псины была настолько черной, что, казалось, ее окунули в смолу. Неудивительно, что в наступившей темноте она показалась смазанной тенью. Размеры – чуть побольше средних, явно не бойцовых пород, скорее типичный «двортерьер». По правде говоря, Алексею стало даже чуточку неловко за свою резкую реакцию – тоже мне, за кинжал схватился... А она, может, еще сильнее перепугалась. То ли желая загладить неприятное ощущение, то ли просто повинувшись порыву, Алексей сделал пару шагов вперед, протягивая к собаке руку – вот сейчас погладит ее, потреплет за ухом, и, будем считать, что инцидент исчерпан, никто никого не боится, никто ни на кого не в обиде... Из-за спины раздался резкий окрик:

– Стоять!

В полном изумлении Алексей обернулся. Чуть отставший Сергей подходил медленно и плавно, приняв боевую стойку. И клинок уже был у него в руке! Это с какого перепугу?!

Если себя он мгновение назад в душе обзывал чуть ли не параноиком, то поведение старшего товарища – вообще ни в какие рамки...

– Ты чего?!

– Тебя что, вообще ничему не учили?! – этот ответ вопросом на вопрос был сам по себе достаточно странным, а учитывая крайне резкий тон Сергея, Леша понял – похоже, он только что чуть серьезно не «накосячил». Или уже «накосячил»?

– Не объясняли святыне отцы по поводу таких вот собачек, кошечек и прочих зверушек – встречающих по ночной поре? Особенно в таких местах, как то, где мы сейчас? Ничего не говорили?

– Да нет...

– Ну, тогда и я не буду. Незачем уже. Да и некогда... В сторону!

Тренировка, правильно поставленная, конечно – великая вещь. Не успела отзвучать команда, а тело уже само метнулось в правильном направлении, инстинктивно уходя с линии возможной атаки, разворачиваясь в прыжке лицом к единственно возможному потенциальному противнику и принимая правильную позицию. Клинок с шелестом покинул ножны и заплескал в пальцах, подбирающих правильный хват. Секунда – и Алексей уже был готов к бою.

При этом он во все глаза разглядывал «песика», которого вот только что собирался успокоить и приласкать. То, что сейчас сидело меж двух заборов (едва там помещаясь, кстати), не вызывало ни малейшего желания не то что гладить, а и подходить ближе пресловутого пушечного выстрела. Более того, Алексей крепко засомневался в том, что в сколько-нибудь обозримом будущем у него возникнет мысль прикасаться к любому представителю собачьего племени, будь то хоть болонка, хоть карманный чихуахуа...

Тварь, явственно пружинящая, собирающаяся для прыжка, увеличивалась в размерах буквально на глазах! По комплекции своей она уже сейчас превосходила перекормленного ротвейлера, но на достигнутом останавливаться, похоже, не собиралась. Но что там размеры – морда ее заставила бы наверняка заскулить от ужаса и самого свирепого волкодава. Явно не помещающийся в пасти набор клыков и зубищ вызывал мысли уже не о собаке, а, скорее, о чем-то не меньше крокодила. Добавьте нити слюней, тянущиеся от этой пасти к земле, сверкающие над ней багровым пламенем зенки – и примерный портрет готов. У-тю-тю, собанька, у-сю-сю, иди сюда, хорошая, дай лапку!

Тварь прыгнула... Совершенный Алексеем буквально в последний момент маневр явно «сбил ей прицел», и она, вместо того чтобы снести одного из братьев в прыжке и после этого вплотную заняться вторым, неуклюже плюхнулась между ними. Из-под когтей фонтаном брызнула земля – собачища разворачивалась для новой атаки. Вот только никто не собирался давать шанс на нее...

То, что пряталось в собачьем теле, обладало, конечно, сверхъестественной скоростью. Но в данном случае, как оказалось, недостаточной. Братья синхронно начали вокруг нее смертоносный боевой «танец», полный уклонов, рывков, поворотов и уверток. Куда бы ни тыкалась оскаленная, брызжащая слюной пасть чудовища, вместо мягкого человеческого горла, на котором так сладко было бы сомкнуть клыки, ее встречало серебряное сверкание клинков, несших смертельную угрозу. Движения нечисти в песьем обличье, кружившейся волчком, становились все более неверными и замедленными, вместо рыка из грозной пасти раздавался уже хрип предельно утомленного животного. Поймав мгновение очередного отчаянного рывка, и Сергей и Алексей, не сговариваясь, резко ускорились – и их клинки вспороли уже не воздух. В ночи раздалось шипение, словно кто-то сдуру плеснул водой на раскаленную сковороду – это дымилась, моментально испаряясь с серебряных лезвий, темная густая кровь монстра, брызнувшая как минимум из трех ран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.